

В. И. Чуйков

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ

В. И. Чуйков

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ

(О героизме
советских воинов
в битве на Волге)

Издательство

**ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва • 1965

Воспоминания и свидетельства участников великого сражения на Волге для нас и будущих поколений советских людей представляют и всегда будут представлять огромную ценность.

В этом сражении ярко проявились невиданный героизм советских воинов, их несокрушимая стойкость, мужество и воля к победе. Об этом и рассказывается в настоящей книге.

Ее автор — Василий Ивакович Чуйков — видный советский военный деятель, Маршал Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны он командовал 62-й армией, которая сыграла большую роль в героической обороне города-героя на Волге, в битве за Днепр, в освобождении Правобережной Украины, Западной Польши, в Висло-Одерской и Берлинской операциях. Родина высоко оценила заслуги В. И. Чуйкова, дважды присвоив ему звание Героя Советского Союза и наградив многими орденами и медалями.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по истории советского общества.

С ТЕХ ПОР как умолкли грозовые раскаты второй мировой войны, выросло уже новое поколение. И чем дальше уходят в историю ее события, тем все очевиднее становится решающий вклад Советского Союза в дело победы народов, принимавших участие в войне с фашизмом, все величественнее и грандиознее вырисовывается беспримерный в истории героический подвиг, совершенный советским народом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и японскими империалистами.

Вспоминая события грозных лет Великой Отечественной войны, я, как один из ее участников, обращаюсь к послевоенному поколению молодежи: свято храните боевые традиции нашей героической армии и флота, добытые в тяжелых боях с сильным и коварным врагом вашими отцами и братьями, многие из которых отдали жизнь за Советскую Родину!

Разумеется, в этой книге я не мог, да и не ставил перед собой такой задачи — рассказать о всех героических подвигах советских воинов в сражениях

у Волги. Мои записки — это личные впечатления о массовом героизме воинов 62-й армии, войсками которой мне пришлось командовать.

Если из того, что сохранила моя память, читатель полнее представит себе образ советского воина — солдата Родины, принесшего человечеству радость победы над гитлеровскими захватчиками в битве на Волге, если эти воспоминания о суровых днях войны, о мужестве, отваге и героизме советских воинов помогут в какой-то мере в деле воспитания нашей молодежи, автор будет вполне удовлетворен проделанной работой.

11 СЕНТЯБРЯ 1942 года я еду из Бекетовки в штаб фронта.

На переправах через Волгу и ее протоки задерживаюсь по часу, по два: паромные переправы работают с перебоями, нерегулярно. У причалов — скопления людей, машин и повозок. Стонут раненые, которых не могут переправить днем из-за бомбежек и обстрела самолетами противника, а вечером, с наступлением темноты, — из-за отсутствия или запаздывания транспорта.

В ожидании переправы захожу на медицинские пункты. Лица раненых озабоченные, суровые. В глазах одни и те же вопросы: «Как дела в городе? Отступают наши или нет? Когда подойдет транспорт и скоро ли повезут дальше?»

Замечаю много неурядиц на этих медицинских пунктах: раненых еще не кормили, они лежат под открытым небом, просят пить; повязки от обильной крови и пыли похожи на выкрашенный лубок. Напускаюсь

па медперсонал, ежеминутно задаю один и тот же вопрос: «Почему?» — хотя заранее знаю, что не услышу в ответ ничего, что не было бы известно мне самому: «Мы уже несколько суток не спим, днем бомбежки, а ночью раненых прибывает так много, что где же справиться!» Я требую, чтобы поторопились. Получаю ответ: «Слушаюсь», но вижу, что все продолжают работать по-прежнему медленно.

Нервничаю еще больше: что это значит? Подумав, прихожу к выводу: врачи, сестры и санитары не могут сейчас сделать больше того, что делают. Они все время на ногах, не спят, может быть, голодны и так измучены, что не способны ускорить работу. Они выдохлись.

Около одной из переправ расположился госпиталь. Захожу в операционную. Оперируют бойца, раненного в ягодицу осколком мины. Лица хирурга и сестер бледнее их белых халатов. Вижу, что люди измотаны работой и бессонницей. Раненый стонет. Около стола таз, в нем окровавленная марля. Хирург, окинув меня взглядом, продолжает работать. Наблюдаю операцию до конца и потом спрашиваю врача:

— Зачем вы вырезали почти всю ягодицу?

— Если я пожалею кусок мяса, — отвечает хирург, — то погублю человека, и его не воскресишь. Он умрет от газовой гангрены...

На стол кладут другого бойца, раненного в голову. Он что-то бессвязно бормочет. С него снимают, вернее, сдирают повязки. Боль, вероятно, адская, но он только стонет — не кричит. На других столах происходит то же самое. Мне делается душно, во рту какой-то неприятный привкус. Выйдя из госпиталя, сажусь в «виллис» и еду дальше.

В полночь переправляюсь через Волгу.

И вот уже оглядываюсь на западный берег. Он в огне. Зарево пожара освещает дорогу. Можно не зажигать фар. Извилины дороги несколько раз подводят меня почти к самой Волге. Через город, через реку иногда перелетают немецкие снаряды и разрываются на левом берегу. Это фашисты систематически обстреливают дороги, идущие к городу с востока. Не искушенному в боях человеку показалось бы, что в пылающем городе уже нет места для жизни, что там все разрушено, все сгорело. Но я знал: на том берегу продолжается бой, идет титаническая борьба.

Не помню, сколько времени проблуждали мы на машине вокруг деревни Ямы, разыскивая штаб фронта. Около двух часов ночи наткнулись на блиндаж начальника тыла 64-й армии генерала Александрова. Я поднял его с постели, и он проводил меня до штаба.

Штаб фронта располагался под землей, в блиндажах, хорошо замаскированных сверху кустарником. У дежурного генерала Досика я узнал, что члены Военного совета и начальник штаба только недавно легли отдохнуть. Цели моего вызова в штаб он не знал и предложил мне тоже отдохнуть до утра. Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним и поехать переночевать к генералу Александрову.

В штаб фронта явился ровно в 10 часов 12 сентября и сразу же был принят А. И. Еременко и Н. С. Хрущевым.

Разговор был короткий. Меня назначили командующим 62-й армией.

Основной смысл беседы: немцы решили любой ценой взять Сталинград. Мы его отдать фашистам не должны и не можем, отступить дальше нельзя и некуда. Командарм 62-й армии генерал Лопатин считает, что его

армия город не удержит. Вместо того чтобы драться насмерть, умереть, но не пустить врага к Волге, он отводит части. Поэтому он снят с должности, и сейчас за него командует начальник штаба армии генерал Н. И. Крылов. Военный совет фронта, по согласованию со Ставкой, предлагает мне вступить в командование армией.

Н. С. Хрущев подчеркнул при этом, что ему известны успешные действия Южной группы, которая крепко побила противника на реке Аксай и тем самым обеспечила маневр войск фронта на угрожаемом направлении.

Я воспринял это как похвалу в мой адрес, похвалу, которая обязывала меня ко многому.

Наконец меня спросили:

— Как вы, товарищ Чуйков, понимаете задачу?

Я не ожидал, что мне придется отвечать на такой вопрос, но и раздумывать долго не приходилось: все было ясно, понятно само собой. И я тут же ответил, что задачу понимаю так:

— Город мы отдать врагу не можем, он нам, всему советскому народу, очень дорог; сдача его подорвала бы моральный дух народа. Будут приняты все меры, чтобы город не сдать. Сейчас ничего еще не прошу, но обращаюсь к Военному совету с просьбой не отказать мне в помощи, когда буду просить ее, и, клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там погибнем.

Н. С. Хрущев и А. И. Еременко посмотрели на меня и сказали, что задачу я понимаю правильно.

Деловой разговор был закончен. Они пригласили меня на завтрак. Я отказался. Мы распрощались. Хотелось поскорее остаться одному, чтобы продумать, не переоценил ли себя, свои силы. Я давно ожидал, что меня пошлют защищать город, был готов к этому, хотел

этого. Но когда это совершилось, со всей остротой почувствовал всю тяжесть ответственности, которая на меня возлагалась. Задача была величественная, почетная и в то же время очень трудная, так как противник был уже на окраинах города.

* *
*

Полтора месяца боевой жизни, которая началась за Доном 23 июля, многому меня научили. За это время я изучил врага так, что мог уже предвидеть его оперативные замыслы.

Глубокие клинья, сходящиеся в глубине в одну точку,— вот основная тактика противника. Имея превосходство в авиации, а также в танках, захватчики сравнительно легко прорывали нашу оборону, вбивали клинья, создавали видимость окружения и тем самым заставляли наши части отходить. Но достаточно было упорной обороной или контратаками остановить или разбить один из клиньев, как второй уже повисал в воздухе и болтался, ища опоры.

Так было за Доном. Когда ударный клин 51-го армейского корпуса немцев был остановлен на реке Чир, то второй ударный клин повис в районе Верхне-Бузиновки. Так было и на юге. Когда 64-я армия и Южная группа в начале августа отбили атаки противника с юга и с юго-запада, то вторая группировка, выйдя к Волге севернее Сталинграда больше недели бездействовала.

В тактике противника сохранялся шаблон. Пехота бодро шла в наступление лишь тогда, когда танки находились уже на объекте атаки. А танки обычно шли в наступление лишь тогда, когда над головой наших войск висела авиация. Достаточно было нарушить этот

порядок, как наступление противника приостанавливалось, и его части откатывались назад.

Так было на Дону, когда 112-я дивизия несколько дней подряд успешно отбивала атаки в районе Верхне-Чирской и Новомаксимовской. Авиация противника боялась подлетать близко к нашим позициям, так как рядом был мощный кулак зенитной артиллерии, прикрывавший железнодорожный мост через Дон.

Так было и на реке Аксай, когда танки противника не успели поддержать свою пехоту, которая вскоре была отброшена назад.

Так было у Плодовитого, Абганерово и на других участках.

Захватчики не выдерживали наших внезапных ударов, особенно артиллерийского и минометного огня. Стоило нам организовать удачный артиллерийский налет по скоплению противника, как гитлеровцы в панике разбегались.

Гитлеровцы не терпели ближнего боя, они открывали автоматный огонь за километр и больше. Стреляли просто для поддержки своего настроения. Они не выдерживали нашего сближения при контратаке, немедленно залегали и часто отходили назад.

У них была хорошо отработана связь пехоты с танками и авиацией, особенно при помощи ракет. Свою авиацию они встречали десятками и сотнями ракет и тем самым обозначали себя и свой фронт. Наши бойцы и командиры, разгадав эту сигнализацию, стали использовать ее, чем нередко вводили противника в заблуждение.

Разбирая тактические и оперативные приемы противника, я старался найти контрмеры и контрприемы. Особенно часто задумывался я над тем, как на поле

боя ликвидировать или ослабить превосходство немецкой авиации, ее воздействие на психику наших солдат. Мне вспомнились бои с белогвардейцами и белополяками в гражданскую войну, когда приходилось наступать под огнем артиллерии и пулеметов без артиллерийской поддержки. Тогда мы быстро, бегом сближались с противником, и его артиллерия не успевала менять прицел, чтобы пристреляться по быстро приближающейся цели. Дружное «ура» решало бой,— нашу атаку остановить было невозможно.

И в итоге таких раздумий я пришел к выводу, что лучшим приемом борьбы с фашистскими захватчиками будет ближний бой, применяемый днем и ночью в различных вариантах. Мы должны находиться как можно ближе от противника, чтобы его авиация не могла бомбить наш передний край или переднюю траншею. Надо, чтобы каждый немецкий солдат чувствовал, что он находится под дулом русского оружия, которое всегда готово угостить его смертельной дозой свинца.

Эти мысли родились у меня в часы раздумья о судьбе города, за который шли ожесточенные схватки. Мне казалось, что именно там, в боях за Сталинград можно навязать противнику ближний бой и выбить из рук врага главный козырь — авиацию.

* *
*

...Собираем вещи, много не берем, оставляем даже постели — решено не перегружать машину. Даю указание ординарцу Револьду остаться на левом берегу, найти управление тыла 62-й армии и присоединиться к нему. Револьд смотрит на меня повлажневшими глазами. Спрашиваю:

— В чем дело?

Он молчит, отворачивается. Все понятно. Я невольно вспомнил, как он попал ко мне в ординарцы.

Револьд, шестнадцатилетний паренек, был сыном подполковника коммуниста Тимофея Сидорина, которого я знал еще до войны как оперативного работника штаба Белорусского военного округа.

Во время войны я встретил Сидорина на Сталинградском фронте. Он работал начальником оперативного отдела штаба 64-й армии. 26 июля 1942 года подполковник Сидорин был убит около переправы через Дон. Я несколько раз видел Сидорина-старшего и его сына вместе, они были неразлучны. Вечером 26 июля ко мне на командный пункт подошел этот юнец и доложил:

— Товарищ командующий, я привез тело убитого подполковника Сидорина...

Я знал, что Револьд — сын убитого, и поэтому не нашелся сразу, что ему ответить. Сидевший со мной рядом член Военного совета дивизионный комиссар Константин Киркович Абрамов бросил ему через плечо:

— Передай тело коменданту штаба и скажи, чтобы подготовили могилу, оркестр и все другое для похорон.

Абрамов не знал раньше Револьда и, не поняв, что переживает этот юноша в такую минуту, ответил так сухо.

Выждав, пока Револьд отошел от нас, я сказал Абрамову:

— Знаешь ли ты, кто такой этот юнец и что ты ответил этому парню? Ведь он родной сын подполковника Сидорина...

Абрамов посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Да ну!..— воскликнул он и побежал вслед за Револьдом.

Подполковника Сидорина похоронили в мое отсутствие. На следующее утро я собрался выехать на свой наблюдательный пункт и, уже садясь в машину, увидел Револьда. Он лежал на земле. Его плечи вздрагивали от рыданий. Он потерял отца и был одинок, что его еще больше угнетало. Не долго думая, я крикнул:

— Солдат Сидорин, сейчас же садись в машину, поедешь со мной! Захвати автомат и побольше патронов!

Револьд вскочил, отряхнулся, оправил гимнастерку и стрелой бросился выполнять приказание. Он быстро вернулся и спокойно сел в машину. По дороге разговорились, и я узнал, что мать Револьда где-то в эвакуации в Сибири. Я осторожно спросил, не хочет ли он поехать к ней. Его глаза наполнились слезами, и я понял, что совершил ошибку, разбередил рану. Он твердо ответил:

— Нет. Если прогоните от себя, все равно с фронта не уйду, буду мстить за отца и за других.

Посмотрев ему в глаза, я согласился взять его в пылающий город.

С тех пор Револьд Сидорин ни на минуту от меня не отлучался. Был спокоен, даже весел в бою, ничего не боялся, только по вечерам иногда всхлипывал — тайком плакал по отцу...

К ВЕЧЕРУ 12 сентября про- скакиваем все на той же автомашине в Красную Сло- боду и к переправе. На моторный паром уже погружен один и грузится другой танк Т-34. Мою машину не пу- скают. Предъявляю свои документы командующего 62-й армией и въезжаю на палубу судна.

Мне представляется заместитель командира танко- вого соединения по технической части.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Вчера к вечеру, — отвечает он, — в соединении было около сорока танков, из них только половина на ходу, остальные подбиты, но используются в качестве неподвижных огневых точек. Сейчас веду еще два тан- ка, но, сколько подбито и сожжено за сегодняшний день, не знаю.

Наш паром огибает с севера песчаную косу острова Голодный и направляется к центральной пристани. Из- редка на воде рвутся снаряды. Огонь не прицельный. Не опасно. Приближаемся к берегу. Издали видно, как при подходе нашего парома пристань заполняется народом.

Из щелей, воронок и укрытий выносят раненых, появляются люди с узлами и чемоданами. Все они до подхода парома спасались от огня в щелях, ямах, воронках от бомб.

Глаза у всех этих людей суровые, на закопченных лицах засохшие полосы грязи — слезы смешались с пылью. Дети, измученные жаждой и голодом, уже не плачут, а только пищат, тянутся ручонками к воде... Сердце сжимается, к горлу подступает комок горечи.

Наша машина быстро соскальзывает с парома, и мы едем на командный пункт штаба 62-й армии; как мне сообщили в штабе фронта, он находится в балке реки Царица, неподалеку от ее устья.

Улицы города мертвы. Ни одной зеленой ветки на деревьях: все погибло в огне пожаров. От многих деревянных домов остались кучи золы, торчат печные трубы. Многие каменные дома — обгорелые, без окон и дверей, с провалившимися перекрытиями. Изредка попадаются уцелевшие здания. В них копошатся люди: вытаскивают узлы, посуду, все несут к пристани.

Едем по берегу Волги вдоль железной дороги до устья Царицы, затем по балке до Астраханского моста и нигде не находим командного пункта. Темнеет. Кого ни спрошу, где штаб армии, — не знают.

Недалеко от вокзала встречаем офицера. Выясняется, что это комиссар саперной части. Радость: комиссар знает, где командный пункт армии. Сажая его в машину, и он провожает нас до подножья Мамаева кургана.

Оставив машину, поднимаюсь на курган пешком. В темноте цепляюсь за кусты, за какие-то колючки. Наконец слышу долгожданный окрик часового:

— Стой! Кто идет?

И вот я на командном пункте. Иду по оврагу, шагаю и прыгаю через щели и выходы из блиндажей. Конец путешествия — я в блиндаже начальника штаба армии Н. И. Крылова, он же временно исполняет обязанности командующего. Это плотный, коренастый, с волевым лицом генерал.

Я достаю документ и кладу его перед Крыловым. Не прекращая отчитывать кого-то, он пробегает бумагу глазами, потом заканчивает разговор, и мы здороваемся. При скудном свете коптилки вижу энергичное, суровое и в то же время приятное лицо.

С Николаем Ивановичем Крыловым мы были неразлучны весь период боев за город. Мы жили в одном блиндаже или щели, вместе спали и ели, если позволяли обстоятельства, вместе мылись под волжским берегом, не обращая внимания на вражеский огонь.

Он был начальником штаба армии и моим первым заместителем. В то трудное время мы хорошо узнали друг друга, и в оценке событий, как бы сложно ни складывалась обстановка, у нас не было расхождений. Николай Иванович умел подхватывать решения и так четко проводить их в жизнь, что подчиненные командиры в разговорах с ним всегда чувствовали: иного решения быть не может.

Я особенно ценил боевой опыт Николая Ивановича, полученный им в обороне Одессы и Севастополя, его глубокие знания, организаторский талант, умение работать с людьми.

Исключительная честность и отзывчивость, верность долгу — вот главные черты коммуниста Николая Ивановича Крылова.

Наблюдая, как работает Крылов, знакомясь со своими заместителями, я часам к двум ночи уже основа-

тельно вошел в курс дел, хотя многих деталей еще не схватил.

Обстановка к исходу дня 12 сентября сложилась так: против войск 62-й армии наступали войска 6-й полевой и несколько дивизий 4-й танковой армий противника. Отдельные его части вышли к Волге севернее поселка Рынок и южнее города у Купоросного. Наша армия была прижата к Волге с фронта и флангов мощной подковой немецко-фашистских войск.

Вся группировка в составе 11—14 дивизий со средствами усиления, наступавшая против 62-й армии, поддерживалась 4-м воздушным флотом, в котором была тысяча действующих самолетов всех типов. Задача всей этой мощной группировки немецко-фашистских войск была проста: взять город и выйти на Волгу, то есть пройти с боем 5—6 километров и сбросить нас в реку.

Количество дивизий и бригад, входивших в состав 62-й армии, не дает правильного и полного представления о численном составе и силе ее войск. Например, одна танковая бригада утром 14 сентября имела только один танк, две другие танковые бригады оказались вообще без танков и вскоре были переправлены на левый берег на формирование. Сводный полк дивизии Глазкова вечером 14 сентября имел в своем составе около ста штыков, то есть меньше одной штатной роты; численность соседней с ним дивизии не превышала 1500 человек, а штыков в дивизии было не больше одного штатного батальона; мотострелковая бригада имела 666 человек, а штыков — не более двухсот; гвардейская дивизия полковника Дубянского на левом фланге — не более 250 штыков. Лишь одна дивизия полковника Сараева да две отдельные стрелковые бригады были укомплектованы более или менее нормально.

62-я армия не имела локтевой связи с соседями справа и слева. Наши фланги упирались в Волгу. Если немцы могли совершать в сутки до 3000 самолето-вылетов, то наша авиация не могла ответить им даже одной десятой этого числа.

Противник прочно удерживал превосходство в воздухе. Это угнетало наши войска больше всего, и мы лихорадочно думали над тем, как, каким тактическим приемом выбить из рук врага его козырь? Вопрос нелегкий, если учесть, что противовоздушная оборона города была уже значительно ослаблена. Враг разбил часть зенитной артиллерии, и ее остатки отошли на левый берег Волги, откуда могли прикрывать только реку и узкую полосу вдоль правого берега. Фашистские самолеты с рассвета и дотемна висели над городом, над нашими боевыми порядками и просто над Волгой.

Прежде всего надо было поднять боевой дух армии. И задачу эту необходимо было решить немедленно. Боевые потери, отходы, недостаток боеприпасов и продовольствия, трудности с пополнением людьми и техникой — все это отрицательно влияло на моральное состояние войск. У многих возникало желание уйти поскорее за Волгу, вырваться из пекла.

Партийные организации, политический отдел армии стремились поднять боевой дух воинов. Много сделали мои боевые помощники и друзья: дивизионный комиссар Гуров, генералы Крылов и Пожарский, полковник Витков, бригадный комиссар Васильев и другие. Мы быстро сумели сломить унылое настроение. Командиры и политработники частей поняли, что за город мы будем драться до последнего человека, до последнего патрона.

К двум часам ночи мы выработали план действий на ближайшие два-три дня. Теперь до рассвета можно

было немного отдохнуть. Я почувствовал голод: не ел с самого утра.

— У вас когда-нибудь едят или так обходятся? — спросил я у Крылова.

— Да, бывает, едим, — ответил за него Гуров.

Наши адъютанты достали где-то хлеба, консервов и холодного чая. Перекусив, мы разошлись спать, каждый с одной думой: «Что день грядущий нам готовит?»

Чтобы защитить переправы от артиллерийского огня противника, мы решили на правом и левом флангах перейти к жесткой обороне, а в центре частными атаками занять разъезд Разгуляевка и идущую от него на юго-запад железную дорогу до крутого поворота на Гумрак. Это позволяло выпрямить фронт в центре и, опираясь на железнодорожную насыпь, как на противотанковую преграду, в дальнейшем занять Городище и Александровку. Для выполнения этой задачи предназначалось танковое соединение, усиленное пехотными частями, при поддержке артиллерии армии. 13 сентября — перегруппироваться, 14-го — атаковать.

Рано утром нас разбудили интенсивный артиллерийский огонь противника и авиабомбежка.

В 6 часов 30 минут из района разъезда Разгуляевка фашисты перешли в наступление силами до пехотной дивизии с 40—50 танками. Направление удара — через Авиагородок на Центральный вокзал и Мамаев курган.

В центре и на левом крыле армии сражение продолжалось весь день. Противник, вводя новые резервы, развивал наступление. Он буквально засыпал наши боевые порядки снарядами и минами. Его авиация непрерывно висела над полем сражения.

С Мамаева кургана были хорошо видны и поле боя, и воздушные схватки. На наших глазах около десятка

самолетов — наших и противника, — объятые пламенем, врезались в землю. Несмотря на упорное сопротивление советских наземных войск и авиации, противник благодаря своему численному превосходству брал верх.

На наш командный пункт, находившийся на самой вершине Мамаева кургана, ливнем сыпались мины, снаряды и бомбы противника. Я работал в одном блиндаже с Крыловым и время от времени вместе с ним выходил к стереотрубе, чтобы наблюдать за ходом сражения. Несколько блиндажей было разбито, имелись потери в личном составе штаба армии.

То и дело обрывались провода проволочной связи, радиоузел работал с большими и частыми перебойми. На восстановление связи были брошены все имевшиеся у нас связисты. Даже дежурные телефонистки в нашем блиндаже то и дело оставляли телефоны и ползли искать и исправлять повреждения на линии. За весь день 13 сентября мне только один раз удалось поговорить с командующим фронтом. Я кратко доложил ему обстановку и просил в ближайшие сутки дать мне две-три свежие дивизии: отражать удары врага было нечем.

Несмотря на все усилия наших связистов, к 16 часам связь с войсками почти прекратилась.

Обстановка к этому времени сложилась малоутешительная. Хотя батальон противника, наступавший с севера на Орловку, был уничтожен стрелковой бригадой, в центре армии наши части, понеся потери, вынуждены были потесниться на восток, на западную опушку леса, западнее поселка Баррикады и поселка Красный Октябрь. Фашисты захватили высоту 126,3, Авиагородок и больницу. На остальных участках фронта отдельные атаки были отбиты, сожжено 16 танков противника.

Что происходило после, мы выяснили только с помощью посыльных и офицеров связи штаба армии. Все атаки противника во второй половине дня были отбиты.

До наступления темноты я должен был принять решение, выполнять ли план активной обороны, выработанный и принятый накануне, или, учитывая начавшееся наступление противника, перейти к более решительным действиям. Медлить было нельзя, потому что перегруппировку войск мы могли произвести только под покровом ночи: днем из-за налетов авиации противника сделать это было невозможно.

Мы решили контратаковать. Чтобы опередить противника, начало контратаки было назначено на раннее утро 14 сентября. Мы понимали, что возможности армии весьма ограничены, и не могли выделить большие силы для контратаки, но были уверены, что и враг хорошо знает это и менее всего ожидает наших активных действий. Вспомнился суворовский принцип: «Удивить — значит победить». На большую победу мы не рассчитывали, а удивить противника и перепутать ему карты старались. Нам было важно внезапной контратакой, хотя бы частично и временно, лишить его инициативы.

Приказ о контратаке был направлен в войска в 22 часа 30 минут. Он определял конкретные задачи каждой части.

38-я мотострелковая бригада, усиленная ротой танков и приданным артдивизионом, наступает в направлении поселка юго-восточнее Разгуляевки. Дивизия Сараева силами одного полка, усиленного танковой ротой, контратакует противника в направлении высоты 126,3, а затем высоты 144,3.

Всем частям, принимающим участие в контратаке, предписывалось взаимодействовать друг с другом, обеспечив между собой надежную связь.

Остальные части армии должны прочно удерживать занимаемые рубежи.

Контратаку будут поддерживать три истребительных противотанковых артиллерийских полка, три артиллерийских полка РГК и три полка гвардейских минометов («катюш»).

День, проведенный на Мамаевом кургане, показал, что управлять войсками с этого командного пункта невозможно. Бесперывное, вследствие обстрелов, нарушение связи вело к потере управления войсками. Решили перенести командный пункт армии в балку реки Царица. На Мамаевом кургане оставался армейский наблюдательный пункт. На переход командного пункта армии мы имели разрешение штаба фронта еще два дня до этого.

Все мы, находившиеся на командном пункте армии, — от солдата до командира — весь день 13 сентября ничего не ели. Завтрак нам готовили в домике на самом Мамаевом кургане, но этот домик и наш завтрак сгорели от бомбежки противника. Обед попытались готовить в походной кухне, но и она была разбита прямым попаданием мины. После этого наш повар решил не переводить зря продукты и просто оставил нас голодными. Чтобы прекратить такую экономию продуктов за счет наших желудков, мы направили на новый командный пункт в первую очередь повара Глинку и официантку Тасю, чему последние были очень рады.

К РАССВЕТУ 14 сентября командный пункт армии переместился в так называемое царицынское подземелье. Это был большой блиндаж-туннель, разделенный на десятки отсеков, потолки и стены которых были обшиты лесом. Раньше, то есть в августе, здесь размещался штаб Сталинградского фронта. Толщина верхнего земляного перекрытия достигала десяти метров; только бомба весом в тонну могла его пробить, и то не везде. Блиндаж имел два выхода: нижний вел к руслу реки Царица, а верхний — на Пушкинскую улицу.

Спать и отдыхать было некогда. На новом месте мне нужно было самому проверить связь, готовность войск к контратаке. Все обстояло нормально. По-видимому, войска противника, кроме ночной авиации, отдыхали или готовились к дневным действиям.

В три часа утра началась наша артиллерийская подготовка, в три часа тридцать минут — контратака. Я связался по телефону с командующим фронтом, доложил

ему о начале контратаки и попросил с восходом солнца прикрыть наши действия авиацией. Командующий обещал это сделать и тут же сообщил радостную новость: из резерва Ставки нам придается 13-я гвардейская стрелковая дивизия, которая к вечеру 14 сентября начнет сосредоточиваться на переправах через Волгу, в районе Красная Слобода.

Немедленно направив начальника инженерных войск полковника Тупичева с группой командиров штаба армии в Красную Слободу для встречи гвардейской дивизии, мы с Крыловым начали снова связываться с частями, чтобы уяснить обстановку. Она складывалась так.

В центре армии наша контратака в первое время имела некоторый успех, но с наступлением дня противник ввел в действие всю авиацию; группы по 50—60 самолетов непрерывно бомбили и штурмовали боевые порядки наших контратакующих частей, прижимая их к земле. Контратака захлебнулась. В 12 часов противник бросил в бой еще большие массы пехоты и танков и начал теснить наши части. Удар направлялся на Центральный вокзал.

Этот удар был исключительной силы. Несмотря на громадные потери, захватчики лезли напролом. Колонны пехоты на машинах и танки врывались в город. Повидимому, гитлеровцы считали, что участь его решена, и каждый из них стремился как можно скорее достичь Волги, центра города и там поживиться трофеями. Наши бойцы, снайперы, бронбойщики, артиллеристы, притаившись в домах, в подвалах и дзотах, за углами домов, видели, как пьяные гитлеровцы соскакивали с машин, играли на губных гармошках, бешено орали и плясали на тротуарах.

Захватчики гибли сотнями, но свежие волны резервов все больше наводняли улицы. Автоматчики просочились в город восточнее железной дороги, к вокзалу, в дом специалистов. Бой шел в 800 метрах от командного пункта штаба армии. Создалась угроза, что до подхода 13-й гвардейской стрелковой дивизии противник займет вокзал, разрежет армию и выйдет к центральной переправе.

На левом крыле, в районе пригорода Минина, также разгорелись жестокие бои. Не оставлял противник в покое и наш правый фланг. Обстановка осложнялась с каждым часом.

У меня уцелел небольшой резерв: единственная тяжелая танковая бригада в составе 19 танков. Она находилась за левым крылом армии, около элеватора, на южной окраине города. Я приказал срочно перебросить один батальон танков этой бригады к командному пункту штаба армии. Часа через два этот батальон в составе девяти танков прибыл. К этому времени генерал Крылов уже сформировал две группы из штабных офицеров и роты охраны. Первую группу, усиленную шестью танками, возглавил начальник оперативного отделения коммунист И. Зализюк. Она получила задачу перекрыть улицы, идущие от вокзала к пристани. Вторая группа — с тремя танками — во главе с подполковником М. Вайнрубом была направлена к домам специалистов, из которых противник обстреливал Волгу и пристань огнем крупнокалиберных пулеметов.

В обе группы входили офицеры штаба армии и политического отдела, почти все — коммунисты. И они не допустили гитлеровцев к пристани — обеспечили прикрытие первых паромов с гвардейцами Родимцева.

В 14 часов ко мне явился командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Александр Илич Родимцев. Был он весь в пыли и грязи. Чтобы добраться от Волги до нашего командного пункта, ему не раз пришлось «приземляться» в воронки, прятаться в развалинах, укрываясь от пикирующих самолетов противника.

Генерал-майор Родимцев доложил мне, что дивизия укомплектована хорошо, в ней около 10 тысяч человек. Но с оружием и боеприпасами плохо. Более тысячи бойцов не имеют винтовок. Военный совет фронта поручил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Голикову обеспечить дивизию недостающим оружием не позже вечера 14 сентября, доставив его в район Красной Слободы. Но гарантии в том, что оно прибудет вовремя, не было. Я тут же приказал своему заместителю по тылу генералу Лобову, находившемуся на левом берегу Волги, мобилизовать всех своих работников, чтобы они собрали оружие в частях тыла армии и передали его в распоряжение гвардейцев.

Обстановку на фронте армии генерал Родимцев уже знал. Начальник штаба армии Крылов умел на ходу информировать людей, таким же образом он ввел в курс дела и генерала Родимцева. Ему была поставлена задача переправить дивизию на правый берег Волги в ночь на 15 сентября. Артиллерия дивизии, кроме противотанковой, занимала огневые позиции на левом берегу, чтобы оттуда поддерживать действия стрелковых частей. Противотанковые пушки и минометы переправлялись в город.

Дивизия сразу же включилась в бои. Два ее стрелковых полка должны очистить от фашистов центр города, дома специалистов и вокзал, третий полк занимает и

обороняет Мамаев курган. Один стрелковый батальон останется в резерве у командного пункта штаба армии.

Границы участка дивизии: справа — Мамаев курган, железнодорожная петля, слева — река Царица.

Свой командный пункт Родимцеву предложено устроить на берегу Волги, около пристани, где имеются блиндажи и щели и куда уже подана связь.

В конце беседы я спросил его:

— Как построение?

Он ответил:

— Я коммунист, уходить отсюда не собираюсь и не уйду.

Я тут же добавил:

— Как только части дивизии выйдут на переднюю линию боя, все отдельно действующие на этом участке подразделения подчиняю вам.

Немного подумав, Родимцев сказал, что ему стыдно будет сидеть на своем командном пункте позади командного пункта армии. Я успокоил его, заверив, что, как только дивизия выполнит поставленную ей задачу, ему разрешается перенести свой командный пункт вперед. Рассчитывать на пассивные действия противника мы не имеем права, подчеркнул я. Враг решил любой ценой уничтожить нас и захватить город. Поэтому мы не можем только обороняться, мы должны пользоваться каждым удобным случаем для контратак, навязывать врагу свою волю и активными действиями срывать его планы.

— Понятно,— кратко ответил Родимцев, и мы распрощались.

Было около 16 часов, до сумерек оставалось часов пять. Сумеем ли мы с наличными раздробленными, разбитыми частями и подразделениями продержаться еще

10—12 часов на центральном направлении? Это заботило меня больше всего. Сумеют ли бойцы и командиры выполнить задачи, которые казались выше сил человеческих? Если не выполнят, то свежая 13-я гвардейская стрелковая дивизия может оказаться на левом берегу Волги в роли свидетеля печальной трагедии.

В поисках хоть каких-нибудь резервов я вызвал к себе командира дивизии полковника Сараева. Он значился начальником гарнизона, а его дивизия занимала подготовленные узлы обороны и опорные пункты в городе. Полковник Сараев, по словам Крылова, считал себя независимым и не особенно охотно выполнял приказы армии.

Прибыв ко мне, он подробно доложил о состоянии дивизии, об оборонительных районах, занятых его частями, о положении в городе и в заводских поселках.

Из его доклада я выяснил, что оборонительные сооружения состояли главным образом из мелких, оборудованных на 25—30 процентов дзотов и, конечно, не обладали достаточной устойчивостью. Некоторые сооружения, в частности баррикады, я видел сам: они действительно не могли служить опорой для борьбы с врагом.

Я спросил полковника Сараева, понимает ли он, что его дивизия уже влилась в состав армии и что он должен беспрекословно подчиняться Военному совету армии. Нужно ли, спросил я его, звонить в Военный совет фронта для выяснения и без того ясного вопроса? Сараев ответил, что он солдат 62-й армии.

Во время беседы с ним мне стало ясно, что рассчитывать на какие-либо его части как на резерв для парирования ударов противника не приходится: снимать их с опорных пунктов нельзя. Но в распоряжении

Сараева находилось несколько отрядов вооруженной охраны заводов и районов во главе с комендантами. Общая численность этих отрядов, состоявших из городской милиции, пожарных и рабочих, достигала 1500 человек. Вооружения у них не хватало.

Я приказал полковнику наметить прочные здания, особенно в центре города, посадить в них по 50—100 человек во главе с командирами-коммунистами, укрепиться и держаться в таких опорных пунктах до последней возможности. Напомнив, что оружие и боеприпасы дивизия может получить в отделе боепитания армии, я предложил Сараеву держать постоянную связь с моим командным пунктом.

Связь с частями армии часто обрывалась, и я вместе с Гуровым несколько раз выходил из блиндажа на Пушкинскую улицу, чтобы хоть по звукам ориентироваться в ходе боя, который шел в метрах 400—500 от нас.

Историки утверждают, что в великих сражениях у выдающихся полководцев нередко не хватало только одного батальона, чтобы добиться решающей победы. Я думаю, что у Паулюса в эти дни было много лишних батальонов, чтобы разрезать 62-ю армию пополам и выйти к Волге. Но мужество наших бойцов сводило на нет все усилия врага.

Перед сумерками ко мне пришел командир танковой бригады майор С. Н. Хопко и доложил, что его единственный танк подбит и стоит у вокзала на переезде железной дороги.

— Что делать? — спросил он.

Уточняем положение. Хотя танк и подбит, но огонь вести может. И кроме того, в бригаде около ста танкистов, вооруженных автоматами и пистолетами.

— Идите к танку,— приказал я,— соберите всех своих людей и держите переезд в своих руках до подхода частей 13-й гвардейской дивизии. Иначе...

Он понял, повернулся и побежал выполнять приказание. Как стало известно несколько позже, Хопко с честью выполнил поставленную перед ним задачу.

Наступили сумерки, бой начал затихать. В воздухе немецких самолетов стало меньше. Я много времени провел у телефона, выясняя, где находятся и что делают части 13-й гвардейской дивизии, как готовятся переправочные средства. Затем вместе с работниками штаба занялся подведением итогов за день боя.

Итог был мрачный. Противник вплотную подошел к Мамаеву кургану и к линии железной дороги, идущей через город до Центрального вокзала. Вокзал еще удерживался нами. В центре города во многих зданиях засели немецкие автоматчики, пробравшиеся туда через наши поредевшие боевые порядки.

От наших частей, действовавших в центре армии, почти ничего не осталось. Армейский наблюдательный пункт на Мамаевом кургане был разрушен бомбами и артиллерийским огнем.

С левого фланга армии доносили: хотя вражеские атаки отбиты, но по всему видно, что противник накапливается, ведет разведку, готовится к новому наступлению.

Всю ночь на 15 сентября работники штаба армии не смыкали глаз: одни на передовой линии фронта восстанавливали порядки подразделений; другие вели бои у домов специалистов и у вокзала и тем самым обеспечивали переправу частей дивизии Родимцева; третьи в районе центральной пристани встречали переправ-

дьявшиеся батальоны и выводили их по разрушенным улицам на передовую линию.

За ночь удалось переправить только 34-й и 39-й полки и один батальон 42-го полка. Наступивший рассвет и появление авиации противника помешали дальнейшей переправе.

Прибывшие полки заняли участок в центре города от оврага Крутой до вокзала; на вокзал был направлен первый батальон 42-го полка. Мамаев курган оборонял батальон дивизии Сараева. Левее (юго-западнее) вокзала оборонялись остатки танковой бригады, сводного полка и 42-й стрелковой бригады Батракова. На остальных участках все оставалось без перемен.

С утра 15 сентября противник начал атаку в двух направлениях: в центре армии — на вокзал и на Мамаев курган — наступали части 295, 76 и 71-й пехотных дивизий с танками; на левом фланге — на пригород Минина, Купоросное — наступали части 24-й и 14-й танковых и 94-й пехотной дивизии. На правом фланге было относительно спокойно. Атаке предшествовал мощный удар с воздуха. Затем авиация противника повисла над нашими боевыми порядками.

Бой сразу принял тяжелую для нас форму. Не успели прибывшие ночью свежие части Родимцева осмотреться и закрепиться, как сразу были атакованы превосходящими силами врага. Его авиация буквально вбивала в землю все, что было на улицах.

Особенно ожесточенные бои развернулись у вокзала и в пригороде Минина. Четыре раза в течение дня вокзал переходил из рук в руки и к ночи остался у нас. Дома специалистов, которые атаковал 34-й полк дивизии Родимцева с танками тяжелой бригады, остались в руках немцев. Стрелковая бригада полковника Батра-

действенным и реальным средством борьбы. Мамаев курган и в самую снежную пору оставался черным: снег здесь быстро таял и перемешивался с землей от огня артиллерии.

Бои за дома специалистов то затихали, то вспыхивали с новой силой. Как только наши атаки или огонь ослабевали, противник немедленно начинал бить по центральной переправе на Волге. И мы вынуждены были все время наступать, сковывать засевшего и накоплявшегося в домах специалистов противника.

В районе вокзала борьба шла с переменным успехом. Вокзал и соседние здания по четыре-пять раз за день переходили из рук в руки. Каждый штурм стоил обеим сторонам десятков и сотен жизней. Силы борющихся таяли, подразделения редели. Как нам, так и противнику приходилось вводить свежие силы, то есть резервы.

Стойкое сопротивление наших воинов в центре города срывало планы и расчеты Паулюса. В конце концов он бросил в бой все силы 2-й ударной группы, которая дислоцировалась в районе Воропаново, Песчанка, Садовая.

Две танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии противника повели решительное наступление на левое крыло армии. Для нас оно не было неожиданным, но сил, чтобы отразить удары этого кулака, мы не имели. И хотя противник был сильнее нас не менее чем в 15—20 раз, каждый свой шаг вперед он оплачивал дорогой ценой.

В военной истории верхом упорства считаются случаи, когда объект атаки — город или деревня — переходит несколько раз из рук в руки. У нас было именно так. На южной окраине города стоит громадное здание — элеватор. С 17 по 20 сентября там круглые сутки

шли бои. Не только элеватор в целом, но и отдельные его этажи и хранилища по несколько раз переходили из рук в руки. Командир гвардейской стрелковой дивизии полковник Дубянский докладывал мне по телефону: «Обстановка изменилась. Раньше мы находились на верху элеватора, а немцы внизу. Сейчас мы выбили немцев снизу, но зато они проникли наверх, и там, в верхней части элеватора, идет бой».

Таких упорно оборонявшихся объектов в городе были десятки и сотни; внутри них «с переменным успехом» неделями шла борьба за каждую комнату, за каждый выступ, за каждый марш лестничной клетки.

Утром 16 сентября я доложил Военному совету фронта, что резервов у нас нет, в то время как противник все время вводит в бой свежие части, и что еще несколько дней таких кровопролитных боев — и армия будет обессилена, обескровлена. Я просил срочно усилить армию двумя-тремя свежими дивизиями.

Командование фронта, очевидно, хорошо знало обстановку в городе. К вечеру 16 сентября оно направило в распоряжение армии одну бригаду морской пехоты и одну танковую бригаду. Бригада морской пехоты была укомплектована хорошо, личный состав — североморцы — был исключительный. Она получила задачу занять участок обороны по железной дороге в границах: с севера — река Царица, с юга — треугольник, образуемый железными дорогами.

Танковая бригада имела в своем составе только легкие танки с 45-миллиметровыми пушками. Ей была поставлена задача занять круговую оборону в районе железнодорожной петли в полукилометре восточнее Мамаева кургана и не пускать противника к Волге.

Бои на южной окраине города в районе элеватора по упорству наших людей заслуживают особого внимания. Я надеюсь, что читатель не осудит меня, если я отвлеку его внимание от главного направления и приведу несколько строк из письма участника боя за элеватор командира пулеметного взвода бригады морской пехоты Андрея Хозяинова, который в настоящее время живет в Орле.

Товарищ Хозяинов пишет мне:

«Я помню, как в Нижней Ахтубе нас встретил представитель штаба 62-й армии и указал рукой на пылающий западный берег Волги. Наша бригада североморцев переправилась через реку в ночь на 17 сентября и уже на рассвете вступила в бой с фашистскими захватчиками.

Каждый из нас понимал и знал ясно свои задачи. Работниками штаба и политотдела 62-й армии мы были хорошо информированы о создавшейся обстановке.

Помню, как в ночь на 18 сентября, после жаркого боя, меня вызвали на командный пункт батальона и дали приказ: добраться с пулеметным взводом до элеватора и вместе с оборонявшимся там подразделением удержать его в своих руках во что бы то ни стало. Той же ночью мы достигли указанного нам пункта и представились начальнику гарнизона. В это время элеватор оборонялся батальоном гвардейцев численностью не более 30—35 человек вместе с ранеными, которых не успели еще отправить в тыл.

Гвардейцы были очень рады нашему прибытию, сразу посыпались веселые боевые шутки и реплики. В прибывшем взводе было 18 человек при хорошем вооружении. У нас имелись два станковых и один ручной пулемет, два противотанковых ружья, три автомата и радиостанция.

18-го на рассвете с южной стороны элеватора появился фашистский танк с белым флагом. «Что случилось?» — подумали мы. Из танка показались двое: один фашистский офицер, другой переводчик. Офицер через переводчика начал уговаривать нас, чтобы мы сдались «доблестной» немецкой армии, так как оборона бесполезна и нам больше не следует тут сидеть. «Освободите скорее элеватор, — увещевал нас гитлеровец. — В случае отказа пощады не будет. Через час начнем бомбить и раздавим вас». — «Вот так нахалы!» — подумали мы и тут же дали короткий ответ фашистскому лейтенанту: «Передай по радио всем фашистам, чтобы катились на легком катере... к боговой матери... А парламентареры могут отправляться обратно, но только пешком».

Фашистский танк попытался было ретироваться, но тут же залпом двух наших противотанковых ружей был остановлен.

Вскоре с южной и с западной сторон в атаку на элеватор пошли танки и пехота противника численностью примерно раз в десять сильнее нас. За первой отбитой атакой началась вторая, за ней третья, а над элеватором висела «рама» — самолет-разведчик. Он корректировал огонь и сообщал обстановку в нашем районе. Всего 18 сентября было отбито девять атак.

Мы очень берегли боеприпасы, так как подносить их было трудно и далеко.

В элеваторе горела пшеница, в пулеметах вода испарялась, раненые просили пить, но воды близко не было. Так мы отбивались трое суток — день и ночь. Жара, дым, жажда, у всех потрескались губы. Днем многие из нас забирались на верхние точки элеватора и оттуда вели огонь по фашистам, а на ночь спускались вниз и

занимали круговую оборону. Наша радиостанция в первый же день боя вышла из строя. Мы лишились связи со своими частями.

Но вот наступило 20 сентября. В полдень с южной и западной сторон элеватора подошло двенадцать вражеских танков. Противотанковые ружья у нас были уже без боеприпасов, гранат также не осталось ни одной. Танки подошли к элеватору с двух сторон и начали почти в упор расстреливать наш гарнизон. Однако никто не дрогнул. Из пулеметов и автоматов мы били по пехоте, не давая ей ворваться внутрь элеватора. Но вот снарядом разорвало «максим» вместе с пулеметчиком, а в другом отсеке осколком пробило кожух второго «максима» и погнуло ствол. Остался один ручной пулемет.

От взрывов в куски разлетелся бетон, горела пшеница. В пыли и дыму мы не видели друг друга, но ободрали себя криками «ура!», «полундра!».

Вскоре из-за танков появились фашистские автоматчики. Их было около ста пятидесяти — двухсот. В атаку шли они очень осторожно, бросая впереди себя гранаты. Нам удавалось подхватывать гранаты на лету и швырять их обратно. При каждом приближении фашистов к стенам элеватора мы по уговору все кричали: «Ура! Вперед! За Родину!»

В западной стороне элеватора фашистам все же удалось проникнуть внутрь здания, но отсеки, занятые ими, были тут же блокированы нашим огнем.

Бой разгорался внутри здания. Мы чувствовали и слышали шаги и дыхание вражеских солдат, но из-за дыма видеть их не могли. Бились на слух.

Вечером при короткой передышке подсчитали боеприпасы. Их оказалось немного: патронов на ручной

пулемет — полтора диска, на каждый автомат — по 20—25 и на винтовку — по 8—10 штук.

Обороняться с таким количеством боеприпасов было невозможно. Мы были окружены. Решили пробиваться на южный участок, в район Бекетовки, так как с востока и северной стороны элеватора курсировали танки противника.

В ночь на 21 сентября под прикрытием одного ручного пулемета мы двинулись в путь. Первое время дело шло успешно, фашисты тут нас не ожидали. Миновав балку и железнодорожное полотно, мы наткнулись на минометную батарею противника, которая только что под покровом темноты начала устанавливаться на позиции.

Помню, мы опрокинули с ходу три миномета и вагонетку с минами. Фашисты разбежались, оставив на месте семь убитых минометчиков, побросав не только оружие, но и хлеб, и воду. А мы изнемогали от жажды. «Пить! Пить!» — только и было на уме. В темноте напились досыта. Потом закусили захваченным у немцев хлебом и двинулись дальше. Но, увы, дальнейшей судьбы своих товарищей я не знаю, ибо сам пришел в память только 25 или 26 сентября в темном сыром подвале, точно облитом каким-то мазутом. Без гимнастерки, правая нога без сапога. Руки и ноги совершенно не слушались, в голове шумело.

Открылась дверь, и при ярком солнечном свете я увидел автоматчика в черной форме. На левом рукаве нарисован череп. Я понял, что нахожусь в лапах противника...»

Это письмо моряка-североморца говорит о характере боев, об упорстве, стойкости советских воинов в борьбе за город на Волге, за Сталинград.

17 сентября мне стало известно, что Сталинградский фронт, занимавший позиции между Доном и Волгой (этим фронтом командовал генерал-полковник Еременко, а заместителем его был Гордов), переходит в наступление на участке Акатовка — Кузьмичи на юг. Задача наступающих — уничтожить группировку противника и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта (которым по совместительству командовал генерал-полковник Еременко) юго-западнее города. Это известие обрадовало меня: целый фронт переходит в наступление! Тотчас же Военный совет армии стал обдумывать, как помочь наступающим. Для 62-й армии, прижатой противником к Волге, было крайне необходимо соединиться с соседями на флангах, поэтому мы решили, несмотря на трудности, продолжать активную оборону в центре армии, а на правом фланге силами двух стрелковых бригад и одного полка из дивизии Сараева нанести удар по противнику и тем ускорить соединение с войсками, действующими севернее города.

В ночь на 18 сентября командный пункт штаба армии переходит на новое место. Средства связи, обслуживающий персонал и отдельные штабные офицеры начали перемещаться с вечера. Военный совет, начальник штаба и оперативные работники снимались последними. Переходить с документами по улицам города, на которых находились автоматчики и даже танки противника, было весьма рискованно. Поэтому мы решили основную группу командиров штаба и Военный совет переправить на лодках. Предстояло осуществить сложный маневр — от устья Царицы на левый берег Волги, в Красную Слободу, откуда на машинах на север, к переправе «62», а там уже на бронекатере снова на правый берег, сразу к месту нового командного пункта.

ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ

НА НОВОМ командном пункте штаба армии не было ни блиндажей, ни каких-либо укрытий, которые могли бы защитить нас хотя бы от пуль или мелких осколков. Над нами, на крутом берегу, находились нефтяные баки и бетонный бассейн для мазута. На песчаной отмели громоздились станки, моторы и другое заводское оборудование, которое было подготовлено к эвакуации за Волгу, но осталось здесь. У берега стояло несколько полуразбитых барж.

День 18 сентября начался как обычно: чуть взошло солнце, появилась авиация противника и начала бомбить и штурмовать боевые порядки наших частей. Основной удар наносился по вокзалу и Мамаеву кургану. Вслед за авиацией открыли огонь артиллеристы и минометчики противника. В ответ загрела и наша артиллерия. Бой кипел с нарастающей силой. Вдруг в 8 часов утра небо над городом очистилось от фашистских бомбардировщиков. Мы поняли, что войска Сталинградского фронта, действующие севернее города, перешли к активным действиям. Там началась разведка боем. В 14 часов

пам стало ясно, чем она кончилась: над нашими головами снова появились сотни «юнкеров». С еще большим ожесточением они продолжали начатую утром бомбежку боевых порядков 62-й армии. Это означало, что разведка боем на севере прекратилась или, по крайней мере, приостановилась.

На правом фланге наши части, перешедшие с утра в наступление, имели небольшой успех: стрелковая бригада полковника Горохова захватила возвышенность с отметкой 30,5; полк из дивизии Сараева захватил высоту 135,4. На участке танкового соединения 38-я мотострелковая бригада полковника Бурмакова полностью захватила фруктовый сад юго-западнее поселка Красный Октябрь.

Остатки 112-й дивизии Сологуба и полк Елина вели упорные бои на Мамаевом кургане. За день они продвинулись на 100—150 метров вперед и прочно закрепились на вершине кургана. В центре города и на левом фланге армии бои шли с прежним ожесточением. Противник, несмотря на огромный перевес в силах, успеха не добился. Наши части удержались на занимаемых позициях, за исключением вокзала, который за пять дней кровопролитных боев раз пятнадцать переходил из рук в руки и лишь к исходу дня 18 сентября был занят противником.

Контратаковать вокзал снова нам было уже нечем: 13-я дивизия генерала Родимцева была измотана. Она вступила в бой сразу после переправы через Волгу и выдержала главный удар немецко-фашистских войск, стремившихся с ходу захватить город. Гвардейцы нанесли врагу сильные удары. Им пришлось, правда, отдать врагу несколько кварталов Сталинграда. Но и это не было отходом или отступлением. Отступить было

некому. Гвардейцы стояли насмерть, отходили только тяжелораненые, выползая поодиночке.

Из рассказов раненых явствовало, что фашистские захватчики, овладев вокзалом, несут большие потери. Отрезанные от главных сил дивизии, гвардейцы одиночками или группами по два-три человека закреплялись в будках стрелочных постов, в подвалах привокзальных помещений, за перронными путями и вагонами и оттуда самостоятельно продолжали выполнять поставленную перед ними задачу: били фашистов и с тыла и с флангов, истребляли их ночью и днем. Они навязывали врагу такую тактику уличного боя, которая вынуждала гитлеровских офицеров держать в напряжении роты и батальоны круглые сутки, бросать все новые и новые силы в разные стороны, чтобы окружить и подавить «одиночные крепости» советских воинов, решивших сражаться до последнего вздоха. Тогда-то особенно ясно стала оформляться мысль, которую я вынашивал с первых дней фронтовой жизни: что противопоставить хорошо отработанной, но шаблонной тактике противника?

На первом плане в моих размышлениях был солдат. Он — главный герой войны. Ему раньше всех придется сталкиваться с врагом лицом к лицу. Порой он больше знает психологию солдат противника, чем генералы, наблюдающие за боевыми порядками врага с наблюдательного пункта. Он тоже изучает характер врага. Я подчеркиваю — изучает, потому что природа дала ему ум, сердце, способность мыслить и не только понимать волю своего командира, но и оценивать обстановку и замысел противника. Конечно, он меньше знает о войсках противника, чем штабные офицеры; он не видит поле боя так широко, как видим мы со своих наблюдательных пунктов, но по поведению солдат противника

на поле боя, при столкновении с ними в атаке или контратаке он больше, острее других чувствует моральные силы врага. А знать моральные силы врага не вообще, а непосредственно на поле боя — это в конечном счете главный, решающий фактор любого боя.

Даже в самом горячем бою хорошо подготовленный солдат, зная моральные силы противника, не боится его количественного превосходства. Вот почему наш воин, будучи раненным, не уходил с поля боя, стремился нанести врагу самый уязвимый удар.

За годы Советской власти Коммунистическая партия привила нашим воинам горячую любовь к Родине, преданность своему народу; армейские политорганы, партийные и комсомольские организации, выполняя указания Центрального Комитета партии, воспитывали в каждом воине веру в наше правое дело, на конкретных примерах боевой жизни и на подвигах героев развивали чувство высокой ответственности перед Родиной, поднимали моральный дух. И все это, вместе взятое, позволило мне верить в стойкость нашего воина и на этой основе думать о серьезном пересмотре тактики наших подразделений в условиях уличного боя.

Надо было сделать так, чтобы каждый дом, где имеется хоть один наш воин, стал для врага крепостью. Ничего страшного не будет, если солдат, ведя бой в подвале или под лестничной площадкой, зная общую задачу армии, останется один и будет решать ее самостоятельно. В уличном бою солдат порой сам себе генерал. Надо дать ему только правильное направление и облечь его, если можно так сказать, генеральским доверием.

Нельзя быть командиром, если не веришь в способности солдат. Уже в дни боев за вокзал, посоветовавшись с членом Военного совета К. А. Гуровым и начальником

штаба Н. И. Крыловым, мы решили изменить нашу тактику. Предстояло нарушить установившиеся порядки в войсках: наряду со взводами и отделениями в ротах и батальонах появились новые тактические единицы — мелкие штурмовые группы.

Как это было сделано и каков был результат, скажу ниже.

18 сентября был получен приказ штаба Юго-Восточного фронта, в состав которого входила в тот период 62-я армия.

«Выписка из боевого приказа №...

Штаб ЮВФ. 18.9.42. 18.00

Под ударами соединений Сталинградского фронта, перешедших в общее наступление на юг, противник несет большие потери на рубеже Кузьмичи, Сухая Мечетка, Акатовка. С целью противодействия наступлению нашей северной группировки противник снимает ряд частей и соединений из района Сталинград — Воропоново и перебрасывает их через Гумрак на север.

В целях разгрома сталинградской группировки противника, совместно со Сталинградским фронтом, — приказываю:

1. Командарму 62-й, создав ударную группу в районе Мамаев курган, не менее трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады, нанести удар в направлении на северо-западную окраину Сталинграда с задачей: уничтожить противника в этом районе. Задача дня: уничтожить противника в городе, прочно обеспечив за собой рубеж Рынок, Орловка, высоты 128,0, 98,9, северо-западная и западная окраины Сталинграда.

Начальнику артиллерии фронта обеспечить удар 62-й армии мощным артиллерийским наступлением в

полосе справа — Городище, Гумрак, слева — река Царица.

Начало наступления пехоты — 19.9 в 12.00 часов».

В первом абзаце этого приказа говорилось, что противник снимает ряд частей и соединений из города.

Я должен категорически отвергнуть эту формулировку. Ни одна часть противника из города, кроме авиации, не была переброшена против наступающих частей Сталинградского фронта.

В исполнение этого приказа в 23 часа 50 минут я отдал свой приказ за № 151, которым решил: ударом из района высоты 102,0 (Мамаев курган) в общем направлении на вокзал отрезать и уничтожить противника, проникшего в центральную часть города.

В наступлении Сталинградского фронта 18—20 сентября принимали значительные силы, но, к сожалению, наши усилия на этот раз не дали желаемого результата: контрудар войск Сталинградского фронта через Акатовка — Кузьмичи успеха не имел. Надежды на соединение с войсками, действовавшими севернее города, не оправдались. Удар наших сил мы почувствовали в том, что немецкая авиация несколько часов нас не бомбила, а была переключена на север против контратакующих войск Сталинградского фронта.

Главной причиной неудачи были спешка в принятии решения, плохая подготовка всех родов войск для решительного, хотя и короткого, контрудара, а также расплывчатость сил.

По замыслу этот удар должен был сыграть решающую роль в разгроме противника, сосредоточившего большие массы войск и техники под городом. Но с каких позиций следовало наносить удар и в какой момент? Вопрос этот очень важный. Для сравнения вспомним

один из эпизодов исторического кинофильма «Александр Невский», и нам станет ясно, что такое выбор момента. Александр Невский решает нанести удар в тыл тевтонским меченосцам только тогда, когда они глубоко врежутся своим клином («свиньей») в расположение полков русского войска.

Или другой пример: битва на Куликовом поле. Выполняя свой план разгрома войск Мамай, Дмитрий Донской допустил даже частичное отступление своих главных сил, завлек татаро-монголов в расположение русских позиций так глубоко, что войско князя Андрея, сидевшее в засаде, оказалось в тылу врага. И князю Андрею осталось только нанести удар в тыл главным силам Мамай и тем обеспечить победу. Вот что такое выбор момента.

Были ли в сентябре 1942 года втянуты в бой на берегу Волги главные силы немецко-фашистских войск?

Ответ может быть один: нет, не были. Здесь действовали пока только те силы противника, которые пытались захватить город с ходу. 12 сентября они вплотную подходили к нему, но, получив отпор, остановились. Паулюсу нужна была эта обстановка, чтобы перестроить боевые порядки и развернуть главные силы.

Для того чтобы подтянуть и развернуть главные силы, и особенно средства усиления, организовать взаимодействие пехоты, танков, артиллерии, авиации, противнику требовалось не менее 5—7 суток. Таким образом, наш контрудар, назначенный на 19 сентября, по времени был выбран неудачно, потому что к этому моменту главные силы армии Паулюса были только развернуты на исходных позициях. Фактически наш удар нацеливался не против ослабленных боями в городе

войск противника, а против его главных сил, готовившихся к сражению.

Именно в эти дни две армии противника, наступавшие разобщенно с двух направлений (6-я со стороны Калача и 4-я танковая со стороны Котельниково), став плечом к плечу, подготовились к наступлению с рубежа Орловка — Гумрак — Воропоново.

И наконец, контрудар наносился на широком участке фронта (Акатовка — Кузьмичи) — 25 километров по прямой, и не по слабому месту в боевых порядках противника, не по войскам сателлитов, не во фланг и тыл, а в голову мощного тарана, состоявшего из четырех корпусов.

И совершенно непонятно, почему этот и последующие контрудары наносились днем (когда превосходство авиации противника нечем было подавить и компенсировать), а не ночью (когда фашистская авиация действовала слабыми силами).

Ровно в 14 часов 19 сентября началось наступление главных сил фронта с севера на юг. Оно могло совершенно изменить в нашу пользу обстановку. Но этого не случилось. Генерал Гордов, будучи заместителем Еременко по Сталинградскому фронту, не сумел как следует организовать наступление; атака главных сил фронта в первый же день захлебнулась.

Весь день 19 сентября в районе Мамаева кургана шли жесточайшие бои с переменным успехом. Мотоштурмовая бригада захватила высоту 126,3; полк из дивизии Сараева вышел на рубеж севернее вершины оврага Долгий, имея локтевую связь с мотострелковой бригадой. Два полка дивизии Горюхиного, переправившись в ночь на 19 сентября, с ходу были брошены в огонь сражения. Не имея возможности ни подготовиться,

пи осмотреться, они, перевалив гребень Мамаева кургана, вступили во встречный бой с наступающими пехотой и танками противника. Стрелковая дивизия Сологуба с утра отбивала мощные атаки противника и к исходу дня удерживала рубеж по железной дороге от Мамаева кургана до Полотняных улиц, в развилке оврага Долгий, и шоссе и мост через овраг Крутой по Артемовской улице.

13-я гвардейская дивизия Родимцева, сильно поредевшая в предыдущих боях, вела тяжелые уличные бои в центре города. Чувствовалось, что противник решил любой ценой смять эту дивизию и выйти к Волге, к центральной пристани, и тем самым рассеять армию на две части.

День боя 19 сентября показал, что захватчики не особенно боятся удара советских войск с севера, что они и не думают оттягивать свои части из города на север, а еще упорнее стремятся развязать себе руки на волжском берегу, то есть уничтожить 62-ю армию.

19 сентября к восточному берегу Волги подошла 284-я стрелковая дивизия Батюка. Она включилась в состав 62-й армии. Мы ждали ее с нетерпением, так как в этот день сложилась очень тяжелая обстановка в центре города, где сражались полки дивизии Родимцева. Но центральная переправа была уже полностью парализована, и ею не могло воспользоваться ни одно подразделение.

Вечером того же дня нам стало известно, что Сталинградский фронт 20 сентября вновь должен атаковать противника с севера, поэтому я решил продолжать наши контратаки из района Мамаева кургана на юго-запад. После первого неудачного контрудара войск фронта 19 сентября мы не верили, что новые атаки увенчаются

успехом. Тем не менее мы не могли сидеть сложа руки и ждать, когда кто-то придет с севера или с юга и соединится с нами.

Ночью войскам 62-й армии был дан приказ на продолжение 20 сентября контрнаступления всеми имеющимися силами. Этим приказом Военный совет армии требовал от войск выполнения задач, которые не были выполнены накануне.

Мы знали очень тяжелое положение на участке дивизии Родимцева, однако не могли перебросить ему на помощь ни одного батальона. Единственное, чем мы могли помочь Родимцеву, это передать ему его же 42-й полк, который до 19 сентября сражался под командованием Елина на Мамаевом кургане в отрыве от своей дивизии.

Отбивая ежедневно десятки атак противника по всему фронту армии, мы видели за этими атаками новую, более мощную группировку немцев и копили силы и средства для борьбы с ней.

С 20 сентября каждые сутки часов около 5 вечера у меня собирались генералы Крылов, Пожарский, Гуров, начальник разведки полковник Герман. Основываясь на сведениях разведки, мы намечали квадраты, в которых гитлеровцы накапливались для наступления. Ночью, ближе к рассвету, мы открывали по этим квадратам внезапный артиллерийский огонь, давали залпы «катюш». В этих случаях каждый снаряд или мина, посланные в центр скопления противника, приносили больше пользы, чем при заградительном огне по рубежам и площадям. Так мы истребляли живую силу противника, морально изматывали гитлеровцев, били и хлестали их прицельным огнем. После таких ночных налетов фашисты шли в наступление уже морально подавленные,

зная, что мы ждем их наступления и подготовились к встрече.

В полдень командир 95-й дивизии полковник Горишный, докладывая мне обстановку, сказал:

— Если не считать незначительных колебаний фронта на какие-нибудь сто метров в ту или другую сторону, положение на Мамаевом кургане осталось без перемен.

— Учтите,— предупредил я его,— колебания хотя бы и на сто метров могут привести к сдаче кургана...

— Умру, но с Мамаева кургана не отойду! — ответил, помолчав, Горишный. И мне стало ясно, что он правильно оценивает значение Мамаева кургана и правильно понимает свою задачу.

На участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии Родимцева обстановка сложилась для нас очень тяжело. В полдень 20 сентября в район центральной переправы просочились автоматчики противника. Командный пункт дивизии обстреливался автоматным огнем. Часть подразделений 42-го гвардейского полка дивизии находилась в полуокружении, связь работала с большими перебоями. Штабные офицеры связи армии, посылаемые в штаб к Родимцеву, гибли в пути. Полк Елина, направленный к центральной пристани, запаздывал: в пути его заметила авиация врага и непрерывно бомбила.

Армия могла помочь этой дивизии только артиллерийским огнем с левого берега, но этого было явно недостаточно. Поэтому надо было продолжать контратаки в районе Мамаева кургана. Если бы мы ослабили удары здесь, то тем самым у противника были бы развязаны руки, и он всеми силами обрушился бы на наше левое крыло и раздавил наши части, оборонявшиеся в центре города.

Дни 21 и 22 сентября были критическими для войск 62-й армии. Противник целой большой потерь первый раз разрубил армию на две части: на участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии он вышел на улицу 2-я Набережная, а его передовые подразделения — к центральной пристани.

Вечером 21 сентября в районе Дар Горы наши наблюдатели заметили скопление крупных сил пехоты и танков противника. Вскоре под прикрытием ураганного огня артиллерии и минометов эти силы ринулись в атаку. Они пытались с ходу прорваться на левый берег Царицы, но были встречены огнем наших заволжских батарей. Часть танков и пехоты отступила на исходные позиции, а с остальными дело довершили бойцы бригады Героя Советского Союза полковника Батракова, в большинстве своем состоявшей из моряков. Вот что рассказал участник этого боя лейтенант В. Жуков, возглавлявший группу из семнадцати моряков.

— Прорвавшиеся танки с автоматчиками были встречены дружным огнем бойцов отделения старшины второй статьи Борисоглебского. Метким выстрелом из противотанкового ружья первый танк подбил сам командир отделения. Затем он взял на прицел вторую вражескую машину и тоже подбил ее. Но остальные танки, непрерывно стреляя, продолжали двигаться, приближаясь к позициям моряков. Старшина Борисоглебский подбил еще один танк. Не выдержав меткого огня, гитлеровцы отошли в укрытие. Но вскоре атака повторилась. Теперь уже кроме Борисоглебского по танкам вел огонь матрос Баладин. Он спокойно ждал удобного момента, чтобы наверняка поразить цель. Такой момент наступил. Танк подставил борт. Баладин выстрелил. По броне вражеской машины побежали золотистые змейки пламени. Двумя

меткими выстрелами был подбит и второй танк. Наступавшую пехоту косил пулеметчик матрос Кудреватый. Он подпускал фашистов на шестьдесят метров и только тогда открывал огонь.

Так они отбили шесть атак. Наших бойцов было семнадцать. А фашисты потеряли на этом участке восемь танков и до трех сотен солдат и офицеров. Советские морские пехотинцы ни на шаг не отступили с занятого ими рубежа.

На другой день в центре города противник стремился отрезать дивизию Родимцева от главных сил армии. Атаки пехоты и танков на позиции гвардейцев Родимцева повторялись через каждый час. Лишь к вечеру, когда противник увеличил количество танков, пехоты и авиации, ему удалось несколько потеснить гвардейцев. Его передовые отряды вышли по Московской улице к берегу Волги. В это же время пехотный полк врага, наступавший по Киевской и Курской улицам, вышел в район домов специалистов.

И все же, несмотря на численное превосходство, особенно в танках, гитлеровцам не удалось отрезать дивизию Родимцева от основных сил армии. Гвардейцы отошли лишь несколько севернее центральной переправы, но центр города отстояли. Только за один день 22 сентября они отбили двенадцать вражеских атак, уничтожив при этом 32 фашистских танка. Несмотря на яростные атаки, противнику так и не удалось здесь продвигаться ни на шаг.

Части дивизии Горишного, добившиеся накануне небольшого успеха, 21 сентября вышли на северный исток оврага Долгий, примкнув правым флангом к танковому соединению. Но днем 22 сентября, после многократных атак противника, они были выбиты с позиции

и заняли оборону по юго-западным скатам Мамаева кургана.

В связи с тем что противник, выйдя к центральной пристани, получил возможность просматривать почти весь тыл армии и Волгу, через которую шло наше снабжение, я приказал своему заместителю по тылу немедленно организовать три пристани и три водные коммуникации через реку. Первую — в районе Верхняя Ахтуба, вторую — в районе Скудри, третью — в районе Тумак. Отсюда на кораблях и судах Волжской флотилии и на лодках ночью грузы направлялись к пристаням у завода «Красный Октябрь» и у поселка Спартановка.

От завода «Баррикады» на остров Зайцевский был наведен пешеходный мост на железных бочках, а между островом и левым берегом Волги действовала лодочная переправа. Все лодки на участке армии были взяты на строгий учет и распределены между дивизиями и бригадами. В каждой дивизии была организована лодочная переправа, работавшая под строгим контролем и по плану самого командира. Стрелковые бригады, действовавшие южнее реки Царица, снабжались самостоятельно, через остров Голодный с помощью лодок.

Для нас было ясно, что, выйдя к Волге, противник поведет наступление вдоль берега на север и юг, отрезая наши части от реки, от переправ. Чтобы сорвать замысел врага, Военный совет армии решил утром 23 сентября, не приостанавливая контрнступления из района Мамаева кургана, ввести в бой дивизию Батюка (она полностью переправилась в город накануне ночью). Перед полками этой дивизии стояла задача: уничтожить противника в районе центральной пристани и прочно оседлать долину реки Царица.

Дивизия Батюка была брошена в контратаку вдоль

берега Волги на юг к центральной пристани на помощь дивизии Родимцева. Этой контратакой мы думали не только остановить наступление противника с юга, но и, уничтожив его части, прорвавшиеся к Волге, восстановить локтевую связь с бригадами, оставшимися в южной части города. Контратака началась в 10 часов 23 сентября.

Завязались жестокие бои, длившиеся два дня.

В этих боях, неоднократно доходивших до рукопашных схваток, было приостановлено наступление противника из района центральной пристани на север. Но уничтожить противника, вышедшего к Волге, и соединиться со стрелковыми бригадами, действовавшими за рекой Царица, не удалось.

Ценой больших потерь противник достиг только частичного успеха. План Паулюса — выйти к Волге, а затем атаковать армию во фланг и тыл ударом вдоль Волги — сорвался. Этот план рухнул при столкновении со стойкостью дивизий Родимцева, Батюка, Горишного, бригады Батракова и других частей.

Для 62-й армии кризис миновал, она не испугалась и не дрогнула после первого прорыва врага до самой Волги. Мамаев курган оставался у нас. Ни одна наша часть не была уничтожена полностью. Контратаки сибиряков дивизии Батюка остановили наступление противника в городе. Фашисты захлебнулись в собственной крови, на улицах остались десятки горящих танков и тысячи убитых гитлеровцев.

С вечера 24 сентября бои в центре города начали затихать. Радио извещало весь мир, что волжская твердыня стоит, что город пылает, что он превратился в действующий вулкан, пожирающий многие тысячи гитлеровцев. Да, это было так.

Мы не знали тогда, что сухие, но суровые сводки Совинформбюро в то время были сдерживающей уздой для некоторых держав, готовившихся к нападению на нас.

Гитлер не хотел и не мог успокоиться до тех пор, пока его войска не захватят последний клочок земли на волжском берегу. Кроме ненависти к Советскому Союзу, его действиями, несомненно, руководил и сговор с другими капиталистическими державами, которые обуславливали свое участие в войне против Советского Союза падением города на Волге. Не только министр иностранных дел Германии Риббентроп, но и Геббельс и сам Гитлер обрабатывали послов Японии и Турции, а через них правительства этих стран, толкая их на вооруженное выступление против СССР.

Выступая в рейхстаге в конце сентября, Гитлер хвастливо заявил: «Мы штурмуем Сталинград и возьмем его — на это вы можете положиться. Если мы что заняли, оттуда нас не сдвинут».

Тогда же в беседе с турецкими журналистами Геббельс сказал: «Я всегда говорю, взвешивая свои слова, и я вам могу сказать с уверенностью, что до зимы русская армия не будет более опасной для Германии. Говоря это, я убежден, как всегда, что события меня не обманут. Я прошу вас вспомнить об этом через несколько месяцев».

Город на Волге в 1942 году был для Гитлера не только важным стратегическим пунктом, но и политическим узлом, связывавшим Германию с некоторыми нейтральными по отношению к Советскому Союзу странами. Вот почему Гитлер бросал в огонь битвы все новые и новые дивизии: он не жалел крови немецких солдат.

Генералы немецко-фашистских войск, такие, как Ганс Дерр, видели своими глазами, какой ценой они оплачивают каждый метр земли на берегу великой русской реки.

«Начавшийся в середине сентября период боев за Сталинградский промышленный район можно назвать позиционной или «крепостной войной», — пишет генерал Дерр в своей книге «Поход на Сталинград», изданной в Западной Германии. — Время для проведения крупных операций окончательно миновало, из просторов степей война перешла на изрезанные оврагами приволжские высоты с перелесками и балками, в фабричный район Сталинграда, расположенный на неровной, изрытой, пересеченной местности, застроенной зданиями из железа, бетона и камня. Километр, как мера длины, был заменен метром, карта генерального штаба — планом города.

За каждый дом, цех, водонапорную башню, железнодорожную насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу развалин велась ожесточенная борьба, которая не имела себе равных даже в период первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из района ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону.

Последовавшая затем катастрофа заставила поблекнуть эти недели «осады». Ее история являла бы собой перечень героических подвигов небольших подразделений, штурмовых групп и многих и многих неизвестных солдат».

Из захваченного нами журнала боевых действий немецкой 29-й мотодивизии стало известно, что 17 сентября командир дивизии докладывал командующему 6-й армии Паулюсу: «...Оба моторизованных полка дивизии почти полностью уничтожены, из 220 танков осталось 42».

В сентябре немецкий ефрейтор Вальтер писал матери: «Сталинград — это ад на земле. Верден, Красный Верден с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять двадцать метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

Так оценивали наши силы солдаты и генералы немецко-фашистских войск, принимавшие непосредственное участие в боях за волжский город.

23 сентября всеми видами разведки было установлено, что противник, ведя в городе бои, одновременно сосредоточивает крупные силы в районе Городище — Александровка. Было ясно, что эта новая группировка будет наносить удар севернее Мамаева кургана — на заводские поселки, на заводы Тракторный и «Баррикады».

Вечером 24 сентября, когда бои в центре города стали затихать, мы получили подтверждение о сосредоточении свежих сил противника в районе Разгуляевка — Городище. Ночью было решено частично перегруппировать части армии для того, чтобы укрепить и уплотнить боевые порядки на фронте Мокрая Мечетка и в районе Мамаева кургана. Приказ на перегруппировку был отдан 25 сентября 1942 года.

Эта перегруппировка проводилась при непосредственном, тесном соприкосновении с противником, под самым его носом, на небольшой глубине обороны. Сквозных дорог и маршрутов не было. Местность изобиловала

глубокими оврагами, разрушенными строениями, завалами, воронками от бомб и снарядов.

Малейший просчет во времени или несоблюдение маскировки грозили срывом перегруппировки и большими жертвами от огня противника. Опять все командиры штаба армии были посланы в войска как проводники и организаторы ночного маневра войск.

По документам убитых и пленных было установлено, что перед фронтом 62-й армии действовали одиннадцать дивизий противника, из них три танковые (14, 24 и 16-я), две механизированные (29-я и 60-я), шесть пехотных (71, 76, 94, 100, 295 и 389-я).

В результате потерь у противника к 25 сентября из 500 танков осталось, по данным разведки, не более 150.

Авиация противника также несколько выдохлась. За последние дни боев над городом кружили, сменяя друг друга, группы по 10—20 самолетов вместо 40—50 в начальный период. По-видимому, противник накапливал силы и средства авиации для дальнейшего сражения.

Наша разведка непрерывно доносила о подходе с запада эшелонов противника с живой силой и техникой. Понесшие тяжелые потери дивизии врага пополнялись маршевыми батальонами и техникой с обученными экипажами.

Следовательно, на продолжительную паузу рассчитывать не приходилось, мы ждали сильных ударов с запада, от Городища, Разгуляевки. Вскоре наши прогнозы подтвердились.

26 сентября на левом фланге армии, южнее реки Царица, под ударом двух вражеских дивизий — 94-й пехотной и 29-й моторизованной — бойцы и командиры одной из бригад откатились к Волге и переправились на левый берег. В связи с этим пришлось и вторую (42-ю) бригаду

отвести за Волгу, а затем переправить в заводской район.

Развязав себе руки на нашем левом фланге, противник начал перебрасывать оттуда свои части к Мамаеву кургану. Над нашими войсками, находившимися в районе Мамаева кургана и севернее, нависал новый удар.

Фашисты, имея превосходство в авиации, не особенно тщательно вели разведку, не особенно хорошо маскировали подготавливаемые против нас удары. Они действовали нахрапом, нахально. Особенно отличались этим новые части, которые еще не побывали в боях.

Немецкие солдаты вечером или ночью, бывало, кричали:

— Рус, завтра буль-буль!

В этих случаях мы безошибочно определяли, что завтра последует мощная атака именно из этого района.

При каждом новом мощном наступлении фашисты, по-видимому, были уверены в полном успехе и своими выкриками «буль-буль», вероятно, хотели воздействовать на психику наших воинов.

В боях с такими оголтелыми головорезами мы вырабатывали свою тактику и особые приемы борьбы. Мы учились и научились бить и подавлять захватчиков и физически, и морально. Мы предупреждали их наступление контрударами, контрподготовкой, не давали им покоя ни днем ни ночью.

Особенно много внимания мы уделяли развитию снайперского движения в войсках. Военный совет армии поддерживал эти начинания. Армейская газета «На защиту Родины» объявляла каждый день счет убитых нашими снайперами фашистов, помещала портреты отличившихся метких стрелков.

Я лично встречался со многими знатными снайперами, беседовал с ними, помогал им чем мог. Василий Зайцев, Анатолий Чехов, Виктор Медведев и другие снайперы были у меня на особом учете, и я часто советовался с ними.

Эти знатные люди ничем особенно не отличались от других. Даже наоборот. Когда я первый раз встретил Зайцева и Медведева, мне бросилась в глаза их скромность, неторопливость движений, исключительно спокойный характер, внимательный взгляд; они могли смотреть в одну точку долго, не моргая. Рука у них была твердая: при рукопожатии они сжимали ладонь, как клещами.

Снайперы выходили на «охоту» ранним утром на заранее выбранное и подготовленное место, тщательно маскировались и терпеливо ждали появления цели. Они знали, что малейшая оплошность или торопливость могут привести к неминуемой гибели: за нашими снайперами противник вел тщательное наблюдение.

Василий Зайцев был ранен в глаз. По-видимому, немецкий снайпер много потрудился, чтобы выследить русского охотника, который имел на своем счету около трехсот убитых фашистов. Но и после этого Зайцев остался патриотом снайперизма. Вернувшись после ранения в строй, он снова взялся подбирать людей и выращивать из них снайперов, своих «зайчат».

Каждый знатный снайпер, как правило, передавал свой опыт, учил молодых стрелков искусству меткой стрельбы. Поэтому бойцы говорили:

— Зайцев выращивает зайчат, а Медведев — медвежат. Все зайчата и медвежата без промаха бьют гитлеровцев...

Виктор Медведев дошел с нами до Берлина. Его счет убитых гитлеровцев был больше, чем у его учителя Зайцева.

Действия наших снайперов сильно встревожили гитлеровских генералов, которые решили взять реванш в этом боевом ремесле.

Случилось это в конце сентября. Ночью наши разведчики приволокли «языка», который сообщил, что из Берлина доставлен на самолете руководитель школы фашистских снайперов майор Кюнингс, получивший задание убить прежде всего главного советского снайпера.

Командир дивизии полковник Н. Ф. Батюк вызвал к себе снайперов и заявил:

— Я думаю, что прибывший из Берлина фашистский сверхснайпер для наших снайперов — пустяк. Верно, Зайцев?

— Верно, товарищ полковник, — ответил Василий Зайцев.

— Что ж, надо этого сверхснайпера уничтожить, — заявил комдив. — Только действуйте осторожно и умно.

— Есть уничтожить, товарищ полковник! — ответили снайперы.

«О предстоящем поединке, — вспоминает Василий Зайцев, — ночами в нашей землянке шли жаркие споры. Каждый снайпер высказывал предположения и догадки, рожденные дневным наблюдением за передним краем противника. Предлагались различные варианты, всякие «приманки». Но снайперское искусство отличается тем, что, несмотря на опыт многих, исход схватки решает один стрелок. Встречаясь с врагом лицом к лицу, он каждый раз обязан по-новому действовать.

Шаблона для снайпера быть не может, для него это самоубийство.

Так где же все-таки берлинский снайпер? — спрашивали мы друг друга. Я знал «почерк» фашистских снайперов по характеру огня и маскировки и без особого труда отличал более опытных стрелков и новичков, трусов от упрямых и решительных врагов. А вот руководитель школы, его характер оставался для меня загадкой. Ежедневные наблюдения наших товарищей ничего определенного не давали. Трудно было сказать, на каком участке он находится. Вероятно, он часто менял позиции и также осторожно искал меня, как и я его. Но вот произошел случай: моему другу Морозову противник разбил оптический прицел, а Шейкина ранил. Морозов и Шейкин считались опытными снайперами, они часто выходили победителями из самых сложных и трудных схваток с врагом. Сомнений теперь не было — они наткнулись именно на фашистского «сверхснайпера», которого я искал. На рассвете я ушел с Николаем Куликовым на те позиции, где вчера были наши товарищи. Наблюдая знакомый, многими днями изученный передний край противника, ничего нового не обнаруживаю. Кончается день. Но вот над фашистским окопом неожиданно появляется каска и медленно двигается вдоль траншеи. Стрелять? Нет! Это уловка: каска почему-то раскачивается неестественно, ее, вероятно, несет помощник снайпера, сам же он ждет, чтобы я выдал себя выстрелом.

— Где же он может маскироваться? — спросил Куликов, когда мы под покровом ночи покидали засаду. По терпению, которое проявил враг в течение дня, я догадался, что берлинский снайпер здесь. Требовалась особая бдительность.

Прошел и второй день. У кого же окажутся крепче нервы? Кто кого перехитрит?

Николай Куликов, мой верный фронтовой друг, тоже был увлечен этим поединком. Он уже не сомневался, что противник перед нами, и твердо надеялся на успех. На третий день с нами в засаду отправился и политрук Данилов. Утро началось обычно: рассеивался ночной мрак, с каждой минутой все отчетливее обозначались позиции противника. Рядом закипал бой, в воздухе шипели снаряды, но мы, припав к оптическим приборам, неотрывно следили за тем, что делалось впереди.

— Да вот он, я тебе пальцем покажу, — вдруг оживился политрук. Он чуть-чуть, буквально на одну секунду, по неосторожности поднялся над бруствером, но этого было достаточно, чтобы фашист его ранил. Так мог стрелять, конечно, только опытный снайпер.

Я долго всматривался во вражеские позиции, но его засаду найти не мог. По быстроте выстрела я заключил, что снайпер где-то прямо. Продолжаю наблюдать. Слева — подбитый танк, справа — дзот. Где же фашист? В танке? Нет, опытный снайпер там не засядет. Может быть, в дзоте? Тоже нет — амбразура закрыта. Между танком и дзотом на ровной местности лежит железный лист с небольшой грудой битого кирпича. Давно лежит, примелькался. Ставлю себя в положение противника и задумываюсь: где лучше занять снайперский пост? Не отрыть ли ячейку под тем листом? Ночью сделать к нему скрытые ходы.

Да, наверное, он там, под железным листом в нейтральной зоне. Решил проверить. На дощечку надел варежку, поднял ее. Фашист клюнул. Дощечку осторожно опускаю в траншею в таком положении, в каком и поднимал. Внимательно рассматриваю пробоину. Никакого сноса, прямое попадание, значит, фашист под листом.

В штабе 62-й армии. Слева направо: начальник штаба генерал-майор Н. И. Крылов, командующий армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков, член Военного совета генерал-лейтенант К. А. Гуров, командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор А. И. Родимцев (ноябрь 1942 г.)

Вручение партийного билета знатному снайперу сержанту В. Г. Зайцеву (ноябрь 1942 г.)

Воины 62-й армии ведут бой в одном из цехов завода «Красный Октябрь» (ноябрь 1942 г.)

Под Сталинградом. Советские
воины клянутся на
верность Родине (1942 г.)

Атакуют советская пехота
(декабрь 1942 г.)

После боя (1943 г.)

— Там, гадюка! — доносится из соседней засады тихий голос моего напарника Николая Куликова.

Теперь надо выманить и «посадить» на мушку хотя бы кусочек его головы. Бесплезно было сейчас же добиваться этого. Нужно время. Но характер фашиста изучен. С этой удачной позиции он не уйдет. Нам же следовало обязательно менять позицию.

Работали ночью. Засели до рассвета. Гитлеровцы вели огонь по переправам через Волгу. Светало быстро, и с приходом дня бой развивался с новой силой. Но ни грохот орудий, ни разрывы снарядов и бомб — ничто не могло отвлечь нас от выполнения задачи.

Взошло солнце. Куликов сделал слепой выстрел: снайпера следовало заинтересовать. Решили первую половину дня переждать, так как блеск оптики мог выдать нас. После обеда наши винтовки были в тени, а на позицию фашиста упали прямые лучи солнца. У края листа что-то заблестело: случайный осколок стекла или оптический прицел? Куликов осторожно, как это может делать только самый опытный снайпер, стал приподнимать каску. Фашист выстрелил. Куликов на мгновение приподнялся и громко вскрикнул. Гитлеровец подумал, что он наконец-то убил советского снайпера, за которым охотился четыре дня, и высунул из-под листа полголовы. На это я и рассчитывал. Ударил метко. Голова фашиста осела, а оптический прицел его винтовки, не двигаясь, блестел на солнце до самого вечера...»

Такими были снайперы в 62-й армии.

Бой в городе — это особый бой. Тут решает вопрос не сила, а умение, сноровка, изворотливость и внезапность. Городские постройки, как волнорезы, разрежали боевые порядки наступающего противника и направляли его силы вдоль улиц. Поэтому мы крепко держа-

лись за особо прочные постройки, создавали в них немногочисленные гарнизоны, способные в случае окружения вести круговую оборону. Особо прочные здания помогли нам создать опорные пункты, из которых защитники города косили наступающих фашистов огнем пулеметов и автоматов.

В своих контрударах мы отказались от наступления частями и даже большими подразделениями. К концу сентября во всех полках появилась штурмовая группа — малая по численности, сильная ударом, неотразимая в действии и изворотливая, как змея. Объект, занятый фашистами, немедленно подвергался атаке штурмовых групп. Фашисты редко выдерживали удар огня, тола, гранат, подкрепленный штыком и ножом. Борьба шла за здания и в зданиях — за подвал, за комнату, за каждый изгиб коридора. Улица была пуста, площадь тоже.

Наши бойцы и командиры научились во время авиационной и артиллерийской подготовки противника подходить и подползать вплотную к его позициям и тем самым сохраняли себя от гибели. Немецкие летчики и артиллеристы не рисковали бить по нашим боевым порядкам, боясь задеть своих. Мы сознательно шли на самый ближний бой.

Гитлеровцы не любили, вернее, не знали ближнего боя. Они не выдерживали его морально. Вражеского солдата на передовом посту можно было видеть издалека, особенно ночью: он все время, через 5—10 минут, давал очередь из автомата, — по-видимому, для бодрости. Наши воины легко находили таких вояк, подползали и снимали пулей или штыком.

Защитники города научились пропускать над собой немецкие танки — под расстрел нашей противотанковой

артиллерии и бронбойщиков, но при этом они обязательно отрезали огнем пехоту от танков и тем самым нарушали организованный боевой порядок противника. Пехота истреблялась отдельно, а прорвавшиеся танки отдельно: одни они без пехоты много сделать не могли и, не достигнув успеха, возвращались обратно с большими потерями.

Ночь и ночной бой были для нас родной стихией. Захватчики не умели вести ночной бой, мы же научились действовать ночью по жестокой необходимости: днем фашистская авиация висела над нашими боевыми порядками, не давала нам поднять головы, ночью мы не боялись ее. Днем мы чаще всего оборонялись и отражали атаки фашистов, которые без поддержки авиации и танков редко наступали. Штурмовые группы буквально вгрызались в здания и в землю и ждали подхода фашистов на бросок гранаты.

Мы истребляли захватчиков всеми способами. Например, мы знали, что не все фашисты смотрят в окна и амбразуры, большая часть их отдыхает в укрытиях. Чтобы вызвать их из укрытий к окнам и амбразурам, ночью раздавалось наше русское «ура», гремели взрывы гранат. Захватчики по тревоге бросались к окнам и бойницам — отражать атаку. И в этот момент наши артиллеристы и пулеметчики открывали огонь по окнам и амбразурам.

Особенно действенны были залпы «катюш» по скоплениям пехоты и танкам, которые мы обнаруживали перед новым наступлением противника. Я никогда не забуду полк «катюш» во главе с полковником Ерохиным. Этот полк почти все время стоял под крутым берегом Волги, прижавшись к самому обрыву у Банного оврага. Весь его маневр перед открытием огня состоял в том,

что машины задним ходом отодвигались от обрыва на десяток метров, заходя колесами в воду. Здесь они выпускали очереди своих ракет. Много сотен фашистов от этих залпов распростились с жизнью.

Всех новипок, которые изобретались нашими бойцами, не перечесть: в жесточайших боях на Волге мы росли, учились, мужали — все, от рядового бойца до командарма.

Потом, к концу битвы, по дневникам убитых и пленных мы узнали, как дорого обходились фашистам наши новые методы борьбы. Они не знали, где сегодня мы ударим, чем ударим и как. Мы изматывали им нервы ночью так, что утром они вступали в бой певыспавшиеся, измученные.

Наша разведка в Сталинграде работала хорошо. Мы знали и о слабых участках противника, и о местах его скопления и не пропускали удобного случая для нанесения эффективного удара.

В конце дня или всего боя мы наносили удар, пусть не всегда сильный. Но для ослабевшего врага и слабый удар казался страшным. Мы почти всегда держали противника в напряжении и страхе перед неожиданным ударом.

Я рассказываю об этом, чтобы читателю было ясно, чем занимались работники штаба и политотдела армии, находясь в частях, на переднем крае, что делали части, готовясь к отражению нового наступления противника на заводы, на заводские поселки Сталинграда. Именно в эти дни защитники города, предвидя жестокое сражение, о котором будет рассказано ниже, сказали:

— За Волгой для нас земли нет!..

26 СЕНТЯБРЯ нам стало ясно, что главный удар в новом наступлении противник готовится нанести со стороны Городище — Разгуляевка.

Не прекращая артиллерийских налетов по скоплениям пехоты и танков, мы решили встретить этот удар во всеоружии частями танкового соединения и стрелковой дивизии Сологуба. Кроме того, к нам подходила дивизия генерал-майора Смехотворова, силами которой предполагалось усилить фронт обороны танкового соединения.

Мы все очень беспокоились за Мамаев курган, на вершине которого оборонялись части дивизии Горишного. Южные и западные склоны кургана занимал противник. Достаточно было фашистам продвинуться вперед на сто метров, и этот тактический ключ обороны города и заводских поселков мог оказаться у них в руках. Чтобы не допустить этого и сорвать планомерную подготовку наступления противника на заводские районы, мы решили возобновить контратаки.

Был отдан приказ № 166, в котором указывалось командирам всех частей и соединений при ведении боя не допускать действий целыми подразделениями, как рота и батальон. Наступление организовать преимущественно мелкими группами, с ручным пулеметом, ручными гранатами, бутылками с горючей смесью и ПТР.

Приказ о контратаке был отдан в 19 часов 40 минут 26 сентября, но предварительное распоряжение войска получили за сутки раньше.

Все знали, чувствовали и видели, что враг готовится к новым активным действиям. Прозевать начало наступления было равносильно гибели. Пространство, занимаемое 62-й армией на правом берегу Волги, было предельно тесное — отступать некуда.

О том, как глубоко и верно понимали сложившуюся в те дни обстановку рядовые бойцы и командиры частей, говорит такой пример.

Боеприпасы и продовольствие, как известно, разгружались, разносились от пристани до огневых позиций, до передних траншей на руках. Это тяжелый, изнурительный труд. И если еще неделю назад частям приходилось напоминать о том, что прибыли боеприпасы и их надо немедленно получать, то теперь приемщики и носильщики целыми подразделениями приходили к причалам без всяких звонков и напоминаний. Они являлись с наступлением темноты, и едва успевал подойти катер — его быстро разгружали и груз уносили на передовую.

Надо отметить, что в доставке грузов с левого берега неоценимую услугу армии оказывали моряки Волжской флотилии под командованием контр-адмирала Д. Д. Рогачева. Каждый рейс через Волгу был связан с большим риском, но не было случая, чтобы какой-нибудь катер или пароход задержался с грузами на том берегу.

О роли моряков флотилии, об их подвигах скажу кратко: если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила своей задачи.

Стрелки и артиллеристы, танкисты и моряки — все защитники города готовились к отражению удара на заводы и заводские поселки. Начали мы с контратаки, назначенной на 6 часов 27 сентября.

Первоначально мы имели успех, но в 8 часов на наши боевые порядки обрушились сотни пикирующих бомбардировщиков. Атакующие подразделения зашли.

В 10 часов 30 минут противник перешел в наступление. Его свежая 100-я и пополнившаяся 389-я пехотные дивизии, усиленные 24-й танковой, бросились в атаку, чтобы овладеть поселком Красный Октябрь и Мамаевым курганом.

Фашистская авиация бомбила и штурмовала наши боевые порядки от самого переднего края до Волги. Опорный пункт, организованный силами дивизии Горюхиного на вершине Мамаева кургана, бомбежкой и артиллерийским огнем противника был разбит до основания. Командный пункт штаба армии все время находился под ударами авиации. Загорелись рядом стоявшие нефтяные баки. Танки врага, наступавшие из района Городища, шли напролом через минные поля. Вслед за танками волнами лезла вперед вражеская пехота. К полудню телефонная связь с войсками стала действовать неустойчиво, выходили из строя и рации...

Не имея постоянной связи с войсками, мы не могли сидеть на командном пункте спокойно. Хотя он находился максимум в двух километрах от переднего края,

мы все же не знали точно, что происходит на фронте, и были вынуждены подходить еще ближе к переднему краю, чтобы активнее влиять на ход боя.

Взяв с собой офицеров связи частей, Гуров ушел на передний край танкового соединения, я — в дивизию Батюка, Крылов — на командный пункт Горишного.

Однако, даже находясь непосредственно в частях, мы все же не смогли выяснить общую картину боя: мешал сплошной дым. Вернувшись вечером на командный пункт, мы недосчитались многих офицеров штаба армии.

Только поздно ночью нам удалось уточнить положение. Обстановка оказалась очень тяжелой: на некоторых участках противник, хотя и с большими для себя потерями, прошел через минные поля, через наши передовые боевые порядки от двух до трех километров на восток. «Еще один такой бой, и мы окажемся в Волге», — подумал я.

Танковое соединение и левый фланг дивизии Сологуба, принявшие на себя главный удар, понесли значительные потери и своими остатками к исходу дня 27 сентября занимали фронт от моста через Мечетку, в двух с половиной километрах западнее поселка Баррикады, юго-западную часть поселка Баррикады, западную окраину пригорода Красный Октябрь до Банного оврага. Фашисты занимали улицы Шахтинская, Жердевская, высоту 107,5.

Дивизия Горишного была оттеснена с вершины Мамаева кургана. Сильно поредевшие боевые порядки дивизии занимали его северо-восточные склоны.

На остальных участках фронта армии атаки противника были отбиты.

За день боя противник потерял не менее двух тысяч убитыми и более 50 танков. Мы также понесли тяжелые потери, особенно части танкового соединения и стрелковые полки Горишного.

В эту ночь Военный совет потребовал от всех командиров и политработников соединений и частей находиться на передовой линии, в окопах и траншеях, привести подразделения в боевой порядок и сражаться до последнего патрона.

В ночь на 28 сентября к нам на правый берег переправились два полка 193-й стрелковой дивизии генерала Смахотворова, которые я немедленно ввел в бой за западную окраину поселка Красный Октябрь. На Мамаев курган была организована контратака остатками стрелкового полка дивизии Горишного при поддержке частей дивизии Батюка. Командующему артиллерией армии было приказано артиллерийским и минометным огнем в продолжение всей ночи не давать противнику закрепиться на Мамаевом кургане.

С утра 28 сентября противник начал яростные атаки пехотой и танками. Его авиация наносила непрерывно массированные удары по боевым порядкам наших войск, по переправам, по командному пункту штаба армии. Немецкие самолеты сбрасывали не только бомбы, но и куски металла, плуги, тракторные колеса, бороны, пустые железные бочки, которые со свистом и шумом летели на головы наших бойцов.

Из шести грузовых судов, работавших на Волге, осталось одно, пять вышли из строя. Работники командного пункта штаба задыхались от жары и дыма. Огонь горевших нефтяных баков добирался до блиндажей Военного совета. Каждый налет пикировщиков выводил из строя рации, людей.

Даже повар Глинка, устроившийся со своей кухней в яме, был ранен.

И все же, несмотря на такую обстановку, мы чувствовали, что противник выдыхается. Его атаки были разрозненные, не такие дружные и организованные, как накануне. Он бросал в бой батальоны, поддерживаемые танками, с различных участков и не очень уверенно. Это давало нам возможность массированным огнем отбивать удары по очереди, а затем переходить в контратаки. Тогда же я попросил у командующего воздушной армией Хрюкина помощи, и он не отказал — дал все, что у него было.

Так в час самого большого налета нашей авиации была организована контратака полка дивизии Горишного с двумя батальонами дивизии Батюка. Решительным броском они захватили тригонометрический пункт на Мамаевом кургане. Однако выйти на самую вершину, к водонапорным бакам, не удалось. Вершина оставалась ничьей: по ней с той и другой стороны беспрерывно вела огонь артиллерия.

За день боя, 28 сентября, мы в основном удержали свои позиции. Развивать наступление и двигаться дальше захватчики не могли. Они оказались не в состоянии преодолеть стойкость людей, решивших умереть, но не отходить со своих позиций. За этот день фашисты потеряли не менее 1500 человек убитыми, свыше 30 танков было сожжено. Только на скатах Мамаева кургана осталось до 500 вражеских трупов.

Наши потери были также большие. Танковое соединение потеряло убитыми и ранеными 626 человек, дивизия Батюка — около 300 человек. В дивизии Горишного осталось совсем мало людей, но она продолжала сражаться.

С потерями плавучих средств на Волге затруднилась переправа войск и доставка боеприпасов. На правом берегу скопилось много раненых, которых за ночь не успели переправить. В то же время разведка доносила, что из района Городище выдвигаются свежие силы пехоты и танки противника. Они двигались к поселку Красный Октябрь. Было ясно, что сражение за заводы и заводские поселки только еще началось.

Мы решили перейти к жесткой обороне с максимальным использованием средств инженерного заграждения. В 19 часов 30 минут 28 сентября был отдан приказ № 171. В нем указывались рубежи, которые должны отстаивать части. Были в приказе и такие слова:

«От командиров всех частей требую максимального ускорения работ по инженерному усилению своих позиций, по устройству на переднем крае и в глубине противотанковых и противопехотных заграждений и по приспособлению зданий к обороне на случай ведения уличного боя.

Для устройства препятствий и заграждений использовать все имеющиеся на месте средства, вплоть до разборки зданий, трамвайных путей, привлекая через местные органы власти гражданское население.

Основные работы должны быть выполнены силами самих частей. Работы производить круглосуточно.

Разъяснить всему личному составу, что армия дерется на последнем рубеже, отходить дальше нельзя и некуда. Долг каждого бойца и командира защищать свой окоп, свою позицию — ни шагу назад! Враг должен быть уничтожен во что бы то ни стало!»

Читая это, вы спросите: на город ежедневно сбрасываются тысячи авиационных бомб, сотни тысяч мин и

снарядов, какие же в нем могут быть местные власти и гражданское население?

Местные власти и тысячи жителей заводских районов помогали 62-й армии всем, чем могли. Например, на Тракторном заводе до последнего момента, то есть до 14 октября, наши танкисты с помощью рабочих восстанавливали подбитые танки, а на заводе «Баррикады» рабочие вместе с артиллеристами ремонтировали орудия.

Часть рабочих была в отрядах обороны своих заводов. Городской и районные партийные комитеты жили и работали среди бушующего огня, помогали армейским партийным организациям и командирам в создании опорных пунктов в городе и в заводских поселках.

Нельзя не вспомнить секретарей городского комитета партии гг. Пиксина, Вдовина. Руководители районных организаций тоже поддерживали постоянную связь с армией. Жители, рабочие заводов, партийные организации, коммунисты города были с нами. Мы вместе сражались, вместе задыхались от пожаров, защищая город.

Разве можно забыть ныне покойного уполномоченного Совнаркома, затем заместителя председателя Совета Министров СССР В. А. Малышева, который в самые горячие дни боев в Сталинграде, на Тракторном заводе, выполнял поручения партии и правительства!

Об этих людях не пишут как о героях, но мы с уважением вспоминаем их героические подвиги, которые они, не замечая того, совершали ежедневно. На такие подвиги и на такую скромность способны только наши советские люди, до конца преданные своему народу и родной Коммунистической партии.

Душой обороны были коммунисты, руководимые партийными организациями и политорганами.

Не могу не сказать еще и еще раз о дружной работе Военного совета армии. Это был прежде всего партийный, боевой коллектив, который работал по принципу: один за всех и все за одного — для победы над врагом во славу нашей Родины. Мы всегда были едины, всегда были вместе, у нас не было разногласий. Горе тому, кто попытался бы внести в нашу среду тень недоверия или подозрения!

Солдаты рядом с собой в окопах видели командиров и политработников. Каждый солдат знал, что и Военный совет армии находится с ними, на правом берегу. Непрерывная партийно-политическая работа обеспечивала высокий моральный дух защитников города и поднимала боеспособность каждого подразделения.

Несмотря на тяжелые потери, росли и закалялись партийные и комсомольские организации. Десятки и сотни бойцов, не успев отдохнуть от жаркого боя, подавали заявления о приеме в партию. Каждый хотел драться, а если нужно, и умереть коммунистом или комсомольцем.

Кому не известно легендарное имя сержанта Якова Павлова? Свыше 50 дней без сна и отдыха горстка храбрых во главе с Павловым удерживала в центре города дом, который имел важное значение в обороне, занимаемой дивизией Родимцева. Гитлеровцы обрушили на этот дом лавину бомб, мин, снарядов, но не смогли сломить стойкость его героического гарнизона. «Дом Павлова» оставался неприступным. Его защитники — простые советские люди, верные сыны многих народов нашей страны: русские — Павлов (ныне Герой Советского Союза), Александров и Афанасьев, украинцы — Сабгайда и Глущенко, грузины — Мосиашвили и Степановили, узбек Турганов, казах Мурзаев, абхазец Сукба, таджик

Турдыев, татарин Ромазанов и другие их боевые товарищи.

Эта небольшая группа, обороняя один дом, уничтожила вражеских солдат больше, чем гитлеровцы потеряли при взятии Парижа.

А вот еще пример беззаветной преданности советских людей своей Родине. Между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады» тянется на запад от Волги овраг, в который многие годы сваливали шлак. Этот овраг гитлеровцы избрали местом для прорыва нашей обороны. Перед взводом пулеметчиков лейтенанта Зайцева была поставлена задача удержать рубеж, не пропустить врага к Волге.

Днем здесь нельзя было поднять головы. Гитлеровцы обстреливали каждый камень, каждый окоп, каждый метр земли. Зайцев привел свой взвод ночью. Бесшумно, ничем не выдав своего присутствия, пулеметчики заняли огневые позиции. Пулеметы были расставлены так, что вся находившаяся перед ними местность простреливалась кинжальным огнем.

Утром противник открыл по оврагу массированный огонь своей артиллерии и минометов, а затем фашисты перешли в наступление. Наши пулеметчики встретили их меткими очередями. От непрерывной стрельбы в кожухах пулеметов кипела вода. На минуту смолк один из пулеметов: выбыл из строя наводчик. Его заменил парторг взвода рядовой Емельянов. Вскоре лег за пулемет и командир. Гитлеровцы тем временем продолжали рваться вперед. И вот уже склонил голову на пулемет смертельно раненный лейтенант Зайцев. Командование взводом принял на себя сержант Карасев. Бой продолжался до вечера. Фашисты так и не смогли прорвать нашу оборону, сломить волю отважных пулемет-

чиков. Дорого обошлась врагу попытка выйти к Волге: свыше 400 его солдат остались лежать в овраге.

В том же заводском районе совершил славный подвиг комсомолец боец батальона морской пехоты Михаил Паникако.

Было это так.

К позициям батальона морской пехоты ринулись фашистские танки. На окоп, в котором находился матрос Михаил Паникако, двигались, ведя огонь из пушек и пулеметов, несколько вражеских машин.

Сквозь грохот выстрелов и разрывы снарядов все явственнее слышался лязг гусениц. К этому времени Паникако уже израсходовал все свои гранаты. У него остались лишь две бутылки с горючей смесью. Матрос высунулся из окопа и размахнулся, целясь бутылкой в ближайший танк. В это мгновение пуля разбила бутылку, поднятую над его головой. Живым факелом вспыхнул воин. Но адская боль не затуманила его сознания. Он схватил вторую бутылку. Танк был рядом. И все увидели, как горящий человек выскочил из окопа, подбежал вплотную к фашистскому танку и ударил бутылкой по решетке моторного люка. Мгновение — и огромная вспышка огня и дым поглотили героя вместе с подожженной им фашистской машиной.

Так сражались воины 62-й армии. Казалось, сама земля, пропитанная кровью лучших сынов народа, призывала к мужеству и стойкости. Город у Волги стал символом сопротивления, равного которому человечество еще не знало.

На правом фланге, в районе Орловки, до 28 сентября боевые действия проходили без особого напряжения. Атаки со стороны противника и с нашей проводились ограниченными силами и заканчивались незначитель-

ным колебанием фронта, который передвигался на 100—200 метров, не больше.

Действовавшая там 115-я бригада Андрусенко и почти полностью обескровленные полки 112-й дивизии (в них насчитывалось не более 250 активных штыков) обороняли важные в тактическом отношении позиции так называемого Орловского выступа. Перед ними стояла задача во что бы то ни стало удержать этот выступ, висевший, как дамклов меч, над главной группировкой противника, сосредоточившейся в районе Городища. При успешном действии войск соседнего фронта этот выступ мог сыграть большую роль. Если бы хоть одна часть, наступавшая с севера, соединилась с частями Орловского выступа, то крупные силы противника, вышедшие к Волге у Латошанки, оказались бы отрезанными, а левый фланг главной группировки был бы обойден.

Но Паулюс, разгадавший наш замысел, организовал наступление на Орловский выступ. Стремясь как можно быстрее уничтожить наши части в районе Орловки, он бросил в бой сразу несколько полков 16-й танковой, 60-й механизированной, 389-й и 100-й пехотных дивизий.

Он имел возможность маневрировать такими силами, ибо части соседнего фронта после нескольких попыток развить контрнаступление с севера на соединение с войсками 62-й армии потерпели полную неудачу. Им не удалось продвинуться на юг, и с этого момента Паулюс уже не боялся повторения их атак.

Наступление на Орловку началось с трех сторон.

Около батальона пехоты с 18 танками наступали через высоту 135,4 на юг и до батальона пехоты с 15 танками — через высоту 147,5 на юго-восток.

Из района Уваровки до двух батальонов пехоты с 16 танками двигались на восток, в обход Орловки с юга. Одновременно фашисты вели яростные атаки против частей 112-й стрелковой дивизии.

Атакованные части дрались с исключительным упорством. Противник нес большие потери, но его ряды непрерывно пополнялись за счет резервов.

В 15 часов до 50 танков с автоматчиками вышли из Городища, атаковали высоты 109,4 и 108,9 и, смяв боевые порядки 2-го батальона стрелковой бригады Андриусенко, приблизились к Орловке с юга.

В то же время танки и пехота противника, атакуя Орловку с севера, смяли 1-й батальон этой же бригады. Батальон понес тяжелые потери и отошел к северной окраине. Создалась угроза окружения частей, которые вели бой западнее Орловки.

Атаки противника на других участках фронта армии за 29 сентября были также очень настойчивые и дорого обошлись нам.

Дивизия Сологуба, находившаяся в непрерывных боях от Дона до Волги, вынуждена была отойти на рубеж завода «Силикат». В ее полках осталось лишь по несколько десятков бойцов.

На участке дивизии Смехотворова, оборонявшей западную окраину поселка Красный Октябрь, гитлеровцам удалось вклиниться в наши боевые порядки. В дивизии за день боя были убиты и ранены три командира полка и три командира батальона.

После тяжелых боев танковое соединение фактически утратило свою боеспособность — в нем осталось лишь 17 подбитых танков и 150 бойцов, которые были переданы стрелковым частям, а штаб переправился для формирования на левый берег Волги.

На Мамаевом кургане продолжался непрерывный бой. Атаки немцев встречались контратаками наших войск. Борьба шла за каждый квадратный метр земли.

30 сентября фашисты начали свои атаки в 13 часов. Их главные усилия были направлены на уничтожение частей бригады Андрюсенко, оборонявших район Орловки. На этот раз наступление противника началось после двухчасовой авиационной и артиллерийской подготовки. 1-й и 2-й батальоны бригады Андрюсенко понесли очень большие потери, но продолжали удерживать северную и южную части поселка. Клепцы противника были близки к замыканию восточнее Орловки. Врагу открывался путь по Орловской балке на Тракторный завод и Спартановку.

В тот же день наша разведка установила сосредоточение крупных сил пехоты и танков в балке Вишневая, в районе кладбища поселка Красный Октябрь, в оврагах Долгий и Крутой. С южной окраины города подходили части 14-й танковой и 94-й пехотной немецких дивизий, уже пополненных после понесенных потерь. Замысел врага был ясен: он готовил новый удар на заводы Тракторный и «Баррикады».

Командование фронта запросило меня: какие меры принимаются для сохранения Орловского выступа и чем поддерживаются сражающиеся там части.

Что я мог ответить? Лучшей помощью был бы, несомненно, удар на Орловку с севера силами Сталинградского фронта в тыл 16-й танковой и 60-й механизированной дивизий противника. Но такой удар никто не планировал.

В армии у меня резервов не было. При несомненной угрозе сильного удара противника на заводы Тракторный и «Баррикады» я не мог оказать реальной помощи

частям Орловского выступа... В этих условиях мы решили, усилив 1-й и 2-й батальоны стрелковой бригады Андриусенко одним противотанковым истребительным полком и двумя ротами из стрелковой бригады полковника Горохова, подготовить и 2 октября нанести короткий контрудар по противнику в районе поселка Баррикады...

В ночь на 1 октября с левого берега Волги начала переправу 39-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее полки были укомплектованы лишь наполовину, в ротах насчитывалось по 40—50 человек. Однако все роты были боеспособными — большинство в них составляли десантники, коммунисты и комсомольцы. Во главе этой дивизии стоял энергичный, имевший опыт боевой жизни с самого начала войны генерал-майор Степан Савельевич Гурьев. Он был невысокого роста, приземистый крепыш, которого, как говорили, не легко сдвинуть с места. Такое впечатление он оставил и у меня при первой встрече. «Вероятно, и своих подчиненных он воспитывал в таком же духе», — подумал я тогда и вскоре убедился, что не ошибся: 39-я гвардейская стрелковая дивизия много дней обороняла завод «Красный Октябрь»; ее бойцы отступления не знали. Сам Гурьев не уходил со своего командно-наблюдательного пункта даже тогда, когда у самого входа рвались гранаты фашистских автоматчиков. Так было не один раз. Следуя примеру командира дивизии, так же упорно и отважно вели себя в бою командиры полков.

39-я гвардейская дивизия прославилась не только в боях у Волги. Она до конца войны активно участвовала в разгроме немецких захватчиков и закончила свой боевой поход в Берлине. На ее гвардейском знамени пять боевых орденов.

В день прихода этой дивизии в город было решено поставить ее полки на линию обороны: силикатный завод (справа) — Зуевская улица (слева) — с задачей готовить контратаку на поселок Баррикады. Но в процессе боя 1 октября мне пришлось изменить это решение, так как на участке дивизии Смехотворова противник глубоко вклинился в наши боевые порядки и угрожал захватить завод «Красный Октябрь». В тот день гвардейская дивизия генерала Гурьева была поставлена во второй эшелон, за дивизией Смехотворова, по железной дороге западнее завода на фронте: улица Казачья — овраг Банный. Дивизии было приказано прочно закрепиться в цехах завода «Красный Октябрь», превратив их в мощные опорные пункты.

Для контратаки на поселок Баррикады была предназначена 308-я стрелковая дивизия полковника Л. Н. Гуртьева, полки которой уже прибыли к восточному берегу Волги и готовились переправляться к нам.

308-я стрелковая дивизия по времени меньше всех сражалась в городе, но по действиям, по количеству отраженных атак и по стойкости не уступала другим соединениям 62-й армии. В самые жестокие бои в заводском районе она сражалась на главном направлении удара фашистских войск и отразила не менее 100 вражеских атак.

Командир этой дивизии полковник Гуртьев, его помощники — командиры полков, вся партийная организация и все бойцы, в основном сибиряки, показали образец мужества и отваги. Они хорошо поняли поставленную им задачу — ни шагу назад — и ее выполняли.

Массовый героизм воинов 308-й дивизии как бы увенчивался несравнимым мужеством самого командира дивизии Гуртьева, которого бойцы часто видели в контр-

атаках или в окопах первой линии. Высокий и стройный, он не любил сгибаться и кланяться фашистским снарядам и бомбам. (Этот герой-командир, будучи уже генералом, погиб смертью храбрых после сталинградской победы в 1943 году в районе Орла. Там ему сооружен памятник. Однако, я думаю, будет правильно, если памятник ему поставят в Волгограде, где он стоял на смерть и победил смерть.)

1 октября захватчики предприняли несколько настойчивых атак на всем фронте армии. В районе Орловки клещи противника сомкнулись. В окружении оказались: 3-й батальон стрелковой бригады Андрусенко, одна батарея артиллерийского дивизиона, которая имела 380 снарядов, и один взвод 82-миллиметровых минометов с 350 минами. На каждую винтовку имелось около 200 патронов, продовольствия — на двое суток.

Восточнее Орловки, фронтом на запад, закрепились вновь пополненные 1-й и 2-й батальоны этой бригады. Усиленные двумя свежими ротами и противотанковым полком, они имели задачу наступать на Орловку и соединиться с отрезанными частями.

В этот же день противник вновь потеснил дивизию Смехотворова, и к исходу дня она заняла оборону по улицам Жмеринская, Угольная до Карусельной и по Айвазовской до Банного оврага. На участке дивизий Батюка и Родимцева фашистские части наносили удары вдоль оврагов Долгий и Крутой, стремясь выйти к Волге и еще раз разрезать армию. Но им это не удалось. В оврагах осталось около пятисот фашистских трупов.

Авиация и артиллерия противника губительным огнем днем и ночью уничтожали баржи и паромы. Переправа частей дивизии Гуртьева затянулась. К утру

2 октября только два стрелковых полка высадились на правом берегу. Переправившиеся части дивизии Гуртьева получили задачу нанести короткий удар на поселок Баррикады, вышибить противника и закрепиться там.

Дивизии Смахотворова приказывалось очистить от врага западную часть поселка Красный Октябрь и захватить высоту 107,5. Артиллерия армии главной задачей своей должна поддержать контратаку частей на поселок Баррикады.

Бои на этих направлениях шли днем и ночью в течение нескольких суток без перерыва. Короткие паузы отмечались лишь на некоторых участках.

Окруженные части стрелковой бригады Андриусенко численностью до пятисот человек дрались с превосходящими силами врага со 2 по 7 октября. В ночь на 8 октября эта группа, израсходовав все боеприпасы, удачным ночным ударом прорвалась через кольцо окружения и вышла на северную окраину поселка Тракторного завода. В живых осталось всего 120 человек.

Замысел Паулюса одним ударом ликвидировать Орловский выступ обошелся фашистам дорого: слабые силы бригады Андриусенко на десять дней приковали к участку Орловки 60-ю механизированную дивизию, около 100 танков 16-й танковой, а также полки 389-й и 100-й пехотных дивизий противника.

Бои в центре армии, в районе поселков Баррикады и Красный Октябрь, носили еще более ожесточенный характер. Контратака дивизии Гуртьева на поселок Баррикады в полдень 2 октября была остановлена встречным наступлением противника. Все же к исходу дня эта дивизия очистила часть силикатного завода и овладела северо-западной окраиной поселка Баррикады. Однако развить наступление дальше она не смогла.

Дивизия Смехотворова, в полках которой насчитывалось по 200 штыков, вела неравный бой с пехотой и танками противника, наступавшего вдоль улиц Библиотечная и Карусельная. После упорных боев, доходивших до штыковых схваток, захватчикам удалось к концу дня выйти на улицы Цеховая и Библейская.

В этот же день в стыке дивизий Батюка и Родимцева батальон гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму, прорвался через наши боевые порядки к оврагу Крутой и устремился к Волге. Контратакой резервных рот дивизии Батюка отряд головорезов был полностью истреблен. Коварный прием врага не удался.

В ночь на 3 октября мы решили провести перегруппировку:

112-ю дивизию Сологуба подтянуть к левому флангу северной группы Горохова, с тем чтобы она заняла участок обороны от железнодорожного моста через ручей (в 750 метрах южнее высоты 75,9) до отметки 97,7 и далее по оврагу на юго-восток до реки Мечетка;

308-ю дивизию Гуртьева выдвинуть на участок обороны: фруктовый сад севернее поселка Баррикады, силикатный завод, Макеевская улица до оврага;

39-й дивизии Гуртьева было приказано занять оборону по улицам Цеховая, Библейская, Северная, сменив части дивизии Смехотворова и тем самым уплотнив боевые порядки последней, а также создать частные резервы.

Командный пункт армии расположился, как уже говорилось, около нефтяных баков, чуть ниже большого открытого хранилища. Находившийся в резервуаре мазут загорелся, и больше недели над нами круглыми сутками висели тучи густого черного дыма. С неба непрерывно падали хлопья пепла и копоти, отчего все

находившиеся на командном пункте почернели и словно обуглились. Но зато авиация противника не бомбила: гитлеровцы не могли даже представить себе, что штаб армии может находиться в таком пекле. В общем, получилась удачная маскировка. Мы уже привыкли к такой обстановке и жили сравнительно спокойно.

2 октября фашисты, вероятно узнав, где наш командный пункт, нанесли по нему сильный артиллерийский и авиационный удар. Фугасные бомбы разворотили весь берег, разрушили баки, которые были полны нефти, и пылающая масса хлынула через наши блиндажи к Волге. Командный пункт оказался среди моря огня.

Потоки пламени сжигали все на своем пути. Достигнув берега Волги, горящая нефть хлынула на баржи, стоявшие перед командным пунктом. Огненные потоки полились вниз по течению. Казалось, сама Волга вспыхнула, и огонь, злорадствуя, бушует на ее стремнинах.

Провода связи были сожжены. Связь можно было поддерживать только по радио, но и оно работало с перебоями. Мы попали в плен огненной стихии, которая наступала на нас со всех сторон, и стояли в овраге около дымящихся блиндажей. Лица всех выражали один вопрос: что делать?

Начальник штаба Николай Иванович Крылов подал команду:

— Никому никуда не уходить! Все за работу в уцелевшие блиндажи!.. Восстановить с войсками связь и держать ее по радио!

Потом, подойдя ко мне, он шепотом спросил:

— Как, выдержим?

Я ему ответил:

— Да, разумеется! А в случае необходимости будем прочищать свои пистолеты.

— Добро, — сказал он, и мы снова поняли друг друга.

Скажу откровенно, что в начале пожара, выскочив из блиндажа, я был ослеплен, растерялся. Но громкая команда генерала Н. И. Крылова для всех, в том числе и для меня, была как «ура» во время атаки, толчком к дальнейшему действию. Окруженные огнем, мы остались на месте и тем самым сохранили управление войсками.

Пожар длился несколько суток, но подготовленного запасного командного пункта армии у нас не было: все части, в том числе и саперные, были в бою, поэтому пришлось работать пока в уцелевших блиндажах, щелях, ямах, под обстрелом.

Рассвет 3 октября начался новыми атаками противника. 112-я стрелковая дивизия, не успев занять свой участок фронта и закрепиться, была атакована полком пехоты и двадцатью танками. После тяжелого боя дивизия отошла на восток, на рубеж поляны, что в километре восточнее отметки 97,7.

Дивизия Гуртьева до 18 часов сдерживала наступление немцев, но к исходу дня, будучи охвачена с обоих флангов, отошла за железную дорогу, что южнее Нижнеудинской улицы, и левым флангом на Винницкую улицу. Командир полка майор Маркелов был тяжело ранен.

Дивизия Смехотворова весь день вела бои за бани и фабрику-кухню. Бани несколько раз переходили из рук в руки и все же остались за нами. В полках дивизии осталось по 100—150 штыков.

Дивизия Гурьева отбила все атаки немцев на завод «Красный Октябрь». Дивизии Горишного, Батюка и Родимцева закрепляли свои позиции, отражая атаки противника.

3 октября приказом фронта в состав 62-й армии включалась 37-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Жолудева.

По ходу боев этих дней чувствовалось, что противник решил во что бы то ни стало захватить Тракторный завод. Его силы на этом направлении все время наращивались, и к 4 октября было установлено, что от реки Мокрая Мечетка до высоты 107,5 на фронте около пяти километров действуют пять дивизий — три пехотные и две танковые. Бои в районе Орловки должны были не только ликвидировать Орловский выступ, но и отвлечь наше внимание от главного удара, готовившегося на заводы. В этой обстановке было решено быстрее переправить дивизию Жолудева и поставить ее за правым флангом дивизии Гурьева — на оборону Тракторного завода.

В ночь на 4 октября дивизия Сологуба отошла за Мечетку. Выйдя на Щелковскую улицу, враг захватил плацдарм для последующего прыжка на берег Волги. Дивизия Гурьева, введя в бой все резервы, отбивала яростные атаки противника на силикатный завод и была отброшена на улицы Мытищи, Автаторная и Петрозаводская.

В эту же ночь на правый берег переправилась 37-я гвардейская стрелковая дивизия, но без противотанковой артиллерии, для которой не хватило плавучих средств. Штаб дивизии тоже отстал. Пришлось ставить задачи непосредственно полкам. Почти всех офицеров командного пункта армии мы послали в эти полки, чтобы развести их на участки обороны.

Заняв рубеж, полки 37-й дивизии сразу же вступили в бой с пехотой и танками противника, прорвавшимися через боевые порядки дивизий Сологуба и Гуртьева.

Армия нуждалась в передышке, хотя бы на один день. Нужно было привести в порядок части, подтянуть артиллерию и боеприпасы, влить в части пополнение, чтобы в дальнейшем частными контратаками выбить захватчиков из поселков Тракторного завода и Баррикады. Командующий фронтом требовал начать контратаку с утра 5 октября. Но сделать это армия была не в состоянии: у нас кончились боеприпасы.

В ночь на 5 октября начала было переправу на правый берег 84-я танковая бригада. Но переправиться смогли только легкие танки, которые тут же ставились в боевые порядки дивизий Жолудева и Гуртьева. Они использовались как огневые точки, ибо бросать их в контратаки против немецких танков было бессмысленно.

5 октября только в заводских районах города было зарегистрировано около 2000 самолето-вылетов противника. С рассветом всякое движение войск замерло, ибо все, что двигалось, вбивалось в землю немецкой авиацией. Раненый боец не покидал своей щели и окопа до наступления темноты и только в темноте полз к берегу Волги, к пунктам эвакуации.

С утра 5 октября немцы продолжали развивать наступление, направляя главный удар от поселка Баррикады на поселок Тракторного завода. Они, по-видимому, не ожидали появления 37-й дивизии генерала Жолудева на пути их главного удара. Завязались жесточайшие бои.

Не могу не сказать несколько слов о прибывших гвардейцах 37-й дивизии генерала В. Г. Жолудева. Это

действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие из них были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах. Дрались они героически. При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой. Штурмовали группами. Ворвавшись в дома и подвалы, они пускали в ход кинжалы и финки. Отступления не знали, в окружении дрались до последних сил и умирали с песней и возгласами: «За Родину!», «Не уйдем и не сдадимся!»

Только за один день было зарегистрировано семьсот самолето-вылетов противника на боевые порядки дивизии. Все же фашистам не удалось продвинуться вперед ни на шаг.

День 6 октября прошел без особой активности пехоты и танков противника, но его авиация с раннего утра до позднего вечера бомбила наши боевые порядки. От крупнокалиберной бомбы погиб весь штаб 339-го стрелкового полка во главе с командиром и комиссаром.

Относительное затишье 6 октября было, по-видимому, понято штабом фронта как истощение противника, от нас поэтому усиленно требовали возобновить контратаку силами 37-й дивизии. Весь день прошел в переговорах с командованием фронта. Вечером под большим нажимом мне пришлось согласиться на контратаку только частью сил дивизий Жолудева и Гуртьева. Мы решили начать ее во второй половине дня 7 октября, рассчитывая на то, что до наступления темноты у противника не будет времени парировать наш удар и его авиация участия в бою не примет.

Приказ о контратаке я подписал в 4 часа утра, но провести его в жизнь мы не успели. В 11 часов 20 минут противник большими силами начал новое наступление. Мы встретили наступающих организованным

огнем с заранее подготовленных и хорошо замаскированных позиций.

Гитлеровцы шли в атаку во весь рост. Они атаковали наши укрепления из района Верхнеудинской улицы силами до двух пехотных дивизий и свыше 50-ти танков. Первые атаки были отбиты. Части дивизии Жолудева нанесли фашистам большие потери. Подтянув резервы, противник повторял атаки несколько раз. После ожесточенных боев ему удалось к исходу дня вклиниться в наши боевые порядки, захватить один квартал рабочего поселка Тракторного завода и вплотную подойти к стадиону. Проспект Стахановцев и парк Скульптурный остались в наших руках.

В 18 часов усиленный батальон пехоты противника перешел в наступление западнее железнодорожного моста через Мечетку. Удачным залпом «катюш» батальон был почти полностью уничтожен. На участке дивизии Смехотворова весь день шел бой за бани в поселке Красный Октябрь. Этот объект не менее пяти раз переходил из рук в руки. К ночи трудно было сказать, в чьих руках остались бани. На всех других участках атаки были отбиты.

За день боя было уничтожено до четырех батальонов пехоты и сожжено 16 танков противника.

После таких потерь враг не мог продолжать наступление на следующий день. Появление 37-й гвардейской дивизии на главном направлении удара опрокинуло расчеты Паулюса. Ему не удалось нанести внезапный удар и прорвать наш фронт. Мы не просмотрели его главную группировку.

С 8 октября началась подготовка к решающим боям. Нам стало известно, что Гитлер обещал своим вассалам в ближайшие дни овладеть волжской твердыней.

Немецкие солдаты из окопов кричали: «Рус, скоро буль-буль у Волга».

Самолеты засыпали город листовками. В них захватчики грозили, что «Гитлер будет считать дезертиром каждого красноармейца и командира, который уйдет на левый берег Волги». На листовках в картинках была показана окруженная со всех сторон танками и артиллерией наша армия. Они издевательски напоминали, как Сталинградский фронт, не пробившись к нам с севера, отступает.

Наши партийные и комсомольские органы неустанно работали в частях и подразделениях войск, разъясняли наглость и лживость вражеской пропаганды. Военный совет армии вручал награды отличившимся бойцам и командирам, проводил короткие беседы с ними и через них передавал войскам свое решение: отстоять город во что бы то ни стало.

Это наше решение было понято войсками правильно.

Вот документ боевой жизни одной комсомольской организации.

«Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

Помнится мне, что в час, когда проходило это собрание, гитлеровцы начали двенадцатую за день атаку рубежа, который обороняли гвардейцы Гурьева. И тогда, как бы подытоживая собрание, выступил командир роты. Вот что он сказал:

— Я должен внести некоторую ясность в выступление комсорга. Он много говорил здесь о смерти и сказал, что Родина требует от нас смерти во имя победы. Он, конечно, неточно выразился. Родина требует от нас победы, а не смерти. Да, кое-кто не вернется живым с поля боя — на то и война. Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив!..

В нашей армии быстро приобрела популярность песня «Герою городу». Написал ее сержант Н. Панов. Слова этой песни бесхитростные. Она не претендовала на то, чтобы считаться произведением большого поэтического плана. Но одно в ней нравилось гвардейцам — она была правдива, как сама их жизнь.

От разрывов улицы дрожали,
Не смолкал моторов страшный рев,
Но полки гранитом насмерть встали
На защиту волжских берегов.
Говорил товарищ, умирая:
— Навсегда пускай запомнит враг —
Не отходит шестьдесят вторая
Никогда, хотя бы и на шаг.

Таков был закон воинов 62-й армии: не отступать, а только наступать, отвоевывать у врага метр за метром родную землю.

В моих руках несколько пожелтевших от времени боевых листов, которые распространялись на передовой линии.

Вот один из них.

«СЕГОДНЯ ГЕРОИЧЕСКИ СРАЖАЛИСЬ:

Козлов Андрей Ефимович — пулеметчик, член ВЛКСМ. За время Отечественной войны тов. Козлов истребил 50 гитлеровцев, не считая фашистов, истреб-

ленных его пулеметным расчетом. Только с 7 октября 1942 года тов. Козлов уничтожил 17 фашистов. Пулеметный расчет Козлова — лучший в батальоне. Тов. Козлов — участник боев за Ленинград, за Харьков. Дважды ранен. Имеет два знака отличия. Равняйтесь по Козлову!»

А вот другая листовка.

«ПОДБИЛИ И СОЖГЛИ 7 НЕМЕЦКИХ ТАНКОВ!

Красноармейцы Яков Щербина и Иван Никитин, будучи ранеными, не ушли с поля боя. Верные сыны Родины сражались до тех пор, пока не была отбита последняя атака врага. За каких-нибудь полчаса отважные бронейщики подбили 7 танков врага».

Их много, этих предельно кратких листовок. А как убедительно, ярко они говорят о тех, кто, презирая смерть, ковал победу.

Я с радостным волнением вспоминаю отличившихся в боях за заводской район воинов дивизий Жолудева, Гурьева, Горишного, Гуртьева, Ермолкина; бригад Андриусенко и Горохова. Это они остановили врага 7 октября у стен Тракторного завода, в поселках Красный Октябрь и Баррикады и тем самым дали возможность армии перегруппировать силы и подготовиться к новым сражениям.

ЗАТИШЬЕ длилось четыре дня. Но затишья в полном смысле этого слова не было, да и не могло быть, так как наши позиции находились от немецких на расстоянии броска ручной гранаты.

Глубина наших боевых порядков, то есть все пространство от переднего края обороны до Волги, не превышала и трех километров. При правильной организации наступающих сил такую глубину можно было пробить за полтора — два часа, как это мы потом делали с немецкой обороной. Обстановка заставляла нас быть особенно бдительными, непрерывно вести наблюдение, активную разведку. Прозевай — и катастрофа неизбежна.

Лучшим обеспечением бдительности и боевой готовности мы считали активные действия. Наши снайперы, штурмовые группы не давали захватчикам покоя. Зазевавшийся гитлеровец, неосторожно поднявший голову из траншеи или другого укрытия, получал немедленно порцию свинца.

Наблюдая за скоплением противника в районах поселка Баррикады, балки Вишневая, наша артиллерия и

«катюши» нанесли мощные удары. Наша ночная авиация висела над захватчиками, бомбила, хлестала их из пулеметов.

Дневники и письма убитых захватчиков говорили нам, какой урон и какое ужасное воздействие производили на врага наши контрподготовительные действия. «Сталинград — это ад», «Сталинград — это братская могила», «Сталинград изрыгает смерть», — вопили гитлеровцы.

В свою очередь противник, прижав нас к Волге, не давал нам ни минуты покоя. Его авиация непрерывно вела разведку наших боевых порядков и бомбила войска и переправы, а артиллерия и минометы засыпали наши позиции минами и снарядами.

День и ночь по всему фронту армии не стихала стрельба.

Ракеты и трассирующие пули прорезали темноту ночей.

Офицеры штабов, работники политорганов все время находились в войсках. Перегруппировав силы и углубив боевые порядки на вероятном направлении главного удара врага, мы стремились лучше закопаться, превратить каждый дом в опорную точку. Мы значительно усилили оборону заводского района.

На Тракторном заводе, а также на заводах «Баррикады» и «Красный Октябрь» были организованы отряды из рабочих и милиционеров. Их хорошо вооружили, и они заявили, что будут драться за свой завод до последнего патрона.

524-й стрелковый полк 112-й дивизии, находившейся до 12 октября на левом берегу Волги на укомплектовании за счет тылов дивизии, был переправлен на правый берег с заданием занять оборону во втором эшелоне на

участке стадион (северный) до шестиугольного квартала.

Мы пересмотрели все тыловые части и подразделения полков, дивизий и армейских частей, оставив там минимум людей, остальных вооружили и направили в роты и батареи. Мы чувствовали, что противник, проводя частные атаки на различных участках фронта, готовит мощный удар именно на Тракторный завод. Наша разведка, которой руководил полковник Герман, подтверждала это все новыми и новыми сведениями. Надо было встретить удар во всеоружии.

12 октября, согласно приказу командующего фронтом, дивизия Жолудева с одним полком дивизии Горишного наносила контрудар по западной окраине поселка Тракторного завода. Цель — сорвать подготовку нового наступления противника.

Город, на который Гитлер бросал все и не жалел ничего, превращался в приманку для фашистских захватчиков.

Свой контрудар мы нацеливали на главную группировку врага, считая, что сорвать его плановую подготовку к новому наступлению можно только контрударом. Заставить врага перейти в наступление раньше срока для нас выгоднее, чем сидеть и ждать, когда он полностью подготовится и ударит всеми силами.

Мы шли на риск, но, как я уже говорил выше, наши боевые порядки имели глубокое построение, а контрудар проводился только частью сил. Контратака началась с утра 12 октября. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление. В результате дневного боя дивизия Жолудева на своем левом фланге и в центре продвинулась до трехсот метров на запад и вела бой в безымянном поселке, что севернее южного стадиона. Части

дивизии Горишного также продвинулись до двухсот метров.

Бои в этот день показали нам, что гитлеровцы не ожидали контрудара, но плотность боевых порядков противника была настолько велика, что пробить их глубже наши части не смогли.

13 октября, продолжая контратаки, мы стремились отбросить врага за Мытищинский овраг. Весь день шел встречный бой.

Наступило 14 октября — день начала небывалых по жестокости боев. Три пехотные и две танковые дивизии противника, развернутые на фронте около пяти километров, обрушились на части армии.

Мы, многое уже пережившие, это наступление гитлеровцев запомнили на всю жизнь.

Около трех тысяч самолето-вылетов насчитали мы за один этот день! Фашистские самолеты бомбили и штурмовали наши боевые порядки без передышки. Артиллерия и минометы врага с утра до темной ночи засыпали снарядами и минами весь район боя. Был солнечный день, но от дыма и копоти видимость сократилась до ста метров. Наши блиндажи тряслись и рушились, как карточные домики.

Главный удар враг наносил по частям дивизий Жолудева (37-й), Горишного (95-й), Гуртьева (308-й) и 84-й танковой бригаде в общем направлении на заводы Тракторный и «Баррикады». В 11 часов 30 минут до 180 танков прорвались через боевые порядки дивизии Жолудева. Они смяли левый фланг дивизии Сологуба и вышли к стадиону Тракторного завода.

Одна часть танков с автоматчиками двинулась на Тракторный завод, другая — по Кооперативной улице к Мокрой Мечетке, в тыл 112-й дивизии Сологуба. На уча-

стке дивизии Горюшного противник смял боевые порядки в стыке двух полков. Командир 117-го полка 39-й гвардейской дивизии Андреев был убит.

К 16 часам дивизии Сологуба, Жолудева и правый фланг дивизии Гуртьева, разрезанные танками, вели бой в окружении.

Командные пункты полков оставались на месте и дрались до последнего патрона. Командир 37-й дивизии генерал Жолудев разрывом авиабомбы был засыпан в своем блиндаже. Его откопали бойцы из охраны штаба армии и привели ко мне в блиндаж. Управление частями его дивизии взял на себя штаб армии.

Сведения от войск поступали противоречивые, уточнять их становилось все труднее и труднее. Командные и наблюдательные пункты полков и дивизий разбивались снарядами и бомбами. Многие командиры погибли. На командном пункте армии погибло 30 человек. Охрана штаба армии не успевала откапывать людей из разбитых блиндажей. Управление войсками осуществлялось главным образом по радио: с утра были включены запасные рации, размещенные на левом берегу Волги. Туда мы посылали свои распоряжения по радио, а оттуда передавали обратно через Волгу на правый берег частям.

Бой шел непрерывно, день и ночь. Окруженные и отрезанные, гарнизоны продолжали драться, извещая о своем существовании по радио: «За Родину умрем, но не сдадимся!»

К полуночи 14 октября выяснилось, что захватчики обошли со всех сторон Тракторный завод и ведут бой в его цехах. По предварительным подсчетам, фашисты за один день потеряли 40 танков. У стен завода валялось до 3000 вражеских трупов.

Мы тоже понесли большие потери, особенно от авиации: в ночь на 15 октября на левый берег Волги было переправлено 3500 раненых бойцов и командиров. Это рекордная цифра за все время боев в городе.

Важно и то, что мы не ошиблись и разгадали замыслы гитлеровского командования. Но мы не ожидали, что удар будет столь мощным.

Правильно будет сказать, что день 14 октября для нас был самым критическим днем. Пережив его и следующие три дня, мы поняли, что противник больше не сумеет повторить такой удар, что наша армия хотя и разрублена второй раз на две части, но ее полки живут и будут жить на правом берегу Волги.

С утра 15 октября противник ввел в бой свежие силы (305-ю пехотную дивизию) и продолжал развивать наступление на юг и на север вдоль Волги. Его артиллерия простреливала наши боевые порядки насквозь, авиация по-прежнему обрушивала на город тысячи бомб.

Однако разрубленная пополам армия продолжала сражаться. Северная группа (124, 115 и 149-я стрелковые бригады и остатки 112-й дивизии Сологуба) под командованием полковника Горохова вела бой в окружении с превосходящими силами противника, наступающими с севера от Латошинки, с запада — по долине Мокрая Мечетка и от Тракторного завода. Связь с этой группой непрерывно рвалась.

Дивизия Жолудева, принявшая на себя главный удар, разрезанная на несколько частей, сражалась отдельными гарнизонами в поселке Тракторного завода и частью сил в районе Минусинской улицы. Дивизия Горишного также понесла тяжелые потери и вела бой на рубеже улиц Трамвайная и Скульптурная. Противник, двигаясь на юг, создал угрозу выхода в тыл

дивизии Горишного и на командный пункт армии. Его автоматчики просачивались в разрывы между частями. Охрана штаба армии вступила в бой.

В эти часы у Паулюса не нашлось ни одного свежего батальона, чтобы сделать рывок на триста метров и захватить командный пункт штаба армии. Всего триста метров, но мы не думали отступить. Бой шел непрерывно...

Отчаянное положение на фронте требовало от каждого бойца невероятных усилий — драться одному за пятерых, за десятерых. Это сознавали все. Поэтому многие бойцы попеременно исполняли роль стрелка, автоматчика, пулеметчика, бронебойщика, используя оружие погибших товарищей.

Провода связи рвались и горели не только на правом, но и на левом берегу Волги, где был наш запасный командный пункт. Это особенно тревожило нас, потому что основная масса армейской и вся фронтальная артиллерия находилась на левом берегу. Я просил командование фронта дать разрешение перевести некоторые отделы штаба армии на запасный командный пункт на левом берегу с условием, что Военный совет весь остается в городе. Мы хотели обеспечить управление войсками с левого берега на тот случай, если командный пункт армии будет разбит.

— Не разрешаем, — получил я ответ.

Между тем в блиндажах Военного совета становилось все теснее и теснее. Сюда шли люди из разбитых штабов дивизий Жолудева и 84-й танковой бригады. Только здесь они могли укрыться от бомбежки и как-то руководить своими подразделениями.

На свой страх и риск я предложил командующему артиллерией генералу Пожарскому переправиться на

левый берег и оттуда управлять артиллерией. Он чуть не со слезами на глазах заявил:

— Не поеду... Где вы, там и я, умирать будем вместе...

И не поехал... Но мне и сейчас трудно сказать, что его присутствие на правом берегу принесло больше пользы. Возможно, с левого берега он бы лучше управлял артиллерией и больше истребил бы захватчиков. Командующий бронетанковыми войсками армии Вайп-руб все эти дни проводил около танков 84-й танковой бригады, переставляя их на более выгодные позиции, в засады, организуя взаимодействие танкистов с пехотой и артиллерией. Скажу прямо, понимая критическое положение, никто в армии и не думал в эти дни о себе.

Из частей и соединений мы получали тревожные донесения. Многие просили помощи, запрашивали, как и что делать. Возможно, этими запросами командиры дивизий и полков хотели удостовериться, существует ли командование 62-й армии. На эти запросы мы четко и коротко отвечали:

— Сражаться до последней возможности, с места не уходить!

Потери были очень тяжелые: 13 и 15 октября дивизии Жолудева и Горишного потеряли около 75 процентов своего боевого состава, однако за этот день фашисты не продвинулись вперед, их атаки были отбиты. Они потеряли 33 танка и до трех батальонов пехоты.

Немецкий генерал Дерр так описывает наступление на Тракторный завод:

«14 октября началась самая большая в то время операция: наступление нескольких дивизий (в том

числе 14-й танковой, 305-й и 389-й пехотных) на Тракторный завод им. Дзержинского, на восточной окраине которого находился штаб 62-й армии русских¹. Со всех концов фронта, даже с флангов войск, расположенных на Дону и в Калмыцких степях, стягивались подкрепления инженерных и противотанковых частей и подразделения, которые были так необходимы там, где их брали. Пять саперных батальонов по воздуху были переброшены в район боев из Германии. Наступление поддерживал в полном составе 8-й авиакорпус.

Наступавшие войска продвинулись на два километра, однако не смогли преодолеть сопротивление трех дивизий русских, оборонявших завод, и овладеть отвесным берегом Волги. Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засеившие в оврагах русские отрезали их от тыла».

Это признание врага заслуживает особого внимания, и я хочу подтвердить это фактами, известными мне и бойцам 62-й армии.

Выше в этой книге я часто говорю о 112-й стрелковой дивизии Сологуба. Но он погиб еще в августе на Дону в районе железнодорожного моста у поселка Лиговский, и в командование дивизией вступил полковник И. Е. Ермолкин. Будучи человеком беспредельно преданным Родине, тов. Ермолкин прилагал все усилия, чтобы умножить традиции сибиряков и их погибшего командира Сологуба. В этой 112-й дивизии были замечательные помощники как у Сологуба, так и у Ермолкина. Это — заместитель командира дивизии Герой Советского

---

¹ Неверно. Штаб 62-й армии находился на восточной окраине завода «Баррикады». — В. Ч.

Союза Михалицын Петр Тихонович, начальник артиллерии дивизии Годлевский Николай Иванович, политракторник Морозов, молодые офицеры Асеев, Филимонов, Очкин и другие.

В середине сентября при контратаке Мамаева кургана, за который бой длился уже вторые сутки, капитан Асеев и лейтенант Очкин находились в цепи штурмующих. Очкина ранило в голову, лицо заливало кровью. Сделать перевязку не было времени, и он шел, кося врага из своего автомата, бросая ручные гранаты по огневым точкам, не отставая от пехоты.

Во время этой контратаки мальчиш Ваня Федоров устремился в боевой порядок штурмующих, отыскивая Алешу Очкина. Ему хотелось помочь своему другу и командиру, но громкий окрик Очкина: «Назад!» — заставил Ваню подчиниться и где-то спрятаться. А после боя, закрепившись на вершине Мамаева кургана, сам лейтенант Очкин пустился в розыски Вани Федорова.

Что же породило этих двух юных бойцов — Алешу Очкина и Ваню Федорова? Старшему из них — Алеше шел 18-й год, а его друг Ваня Федоров был моложе года на три. Они познакомились еще в июле на станции Поворино, когда 112-я дивизия приближалась к фронту. Дежурный одного эшелона лейтенант Алексей Очкин, обходя вагоны, заметил на буфере человека. Подойдя к этому «зайцу», Очкин пытался стащить его с буфера, но тот, обороняясь, двинул его каблуком рваного ботинка прямо в лоб: «Что ты пристал, я хочу на фронт». Все же Очкин заставил «зайца» слезть с буфера. Но на следующей остановке «заяц» был обнаружен на тендере паровоза. Это был Ваня Федоров. Он так вымазался углем, что только глаза блестели да зубы белели. Настоящий

негритенок. Настойчивость и драчливость юноши пленили лейтенанта Очкина, и вскоре Ваня с тендера перешел в вагон, где его накормили и одели в солдатскую форму. С тех пор Алексей Очкин и Ваня Федоров были неразлучными друзьями, участвовали в боях, в атаках и контратаках. В особо опасных случаях Очкин оставлял его у орудий или посылал за боеприпасами, но Ваня всегда старался выполнить поручение и не отстать от своего боевого друга.

14 октября после сильной артиллерийской и авиационной подготовки фашисты прорвались к Тракторному заводу, к площади Дзержинского, на которой стояли три 45-миллиметровых орудия батареи Очкина. Прямым попаданием авиабомбы одно орудие с расчетом было уничтожено, два остальных изготовились к бою против подходящих танков. Лейтенант Очкин дал команду подпустить танки как можно ближе, чтобы бить наверняка. У одного орудия стоял Очкин, у второго — Ваня Федоров, который теперь был уже наводчиком, и с ним еще три человека. Танки противника и автоматчики подошли на прямой выстрел. Очкин командует: «Огонь!» — и два танка задымили, один вскоре взорвался. Остальные танки застопорили ход и расползлись в укрытия, автоматчики рассыпались по обе стороны улицы и открыли огонь по нашим орудиям.

Менять огневую позицию под ураганным огнем противника нельзя. Между тем к орудию Вани Федорова уже продвигается группа автоматчиков противника и два танка, за ними еще и еще... Пулеметные и автоматные очереди бьют по щитам двух пушек. В расчете Вани гибнут один за другим бойцы, а Ваня из своего ровика бросает в фашистских автоматчиков гранаты. Алексей Очкин видит все это, хочет помочь Ване, но его удержи-

вают товарищи, кричат ему: «Ваню не спасешь!» Стреляют из уцелевшей пушки и противотанкового ружья по фашистским танкам, но их много. В этот момент Ваня Федоров вскочил. Он был весь в крови, правая рука его висела как плеть, в левой он держал противотанковую гранату. Ваня бросился к танку противника. Раздался взрыв, пламя охватило фашистский танк, а тело юного героя разорвало и разбросало по площади.

Весь остаток дня и всю ночь группа в составе нескольких десятков человек вела бой с наступающими фашистами — сначала у заводских ворот, затем в одном из цехов завода. Утром 15-го снова началась бомбежка и атака немцев.

Группа лейтенанта Очкина вела бой в цехах завода, устраивала засады и налеты. Весь день в цехах завода рвались гранаты и строчили автоматы. Но сила со стороны фашистов брала верх. К утру 16-го лейтенант Очкин и с ним 57 человек отошли на 100—200 метров на восток от завода, к берегу Волги, который метров на 40—50 обрывом спускался к реке. Эти 57 человек повисли ногами над обрывом, а животом лежали на круче, отбивали атаки врага и постепенно вгрызались в землю. Это был последний рубеж перед Волгой, до которого немцы не могли дойти с 14 до 22 октября, то есть целые восемь суток. Восемь танков и около трехсот трупов врага лежали между этим рубежом и заводом, перед этими героями, которые победили смерть.

К концу седьмого дня на обрыве осталось девять человек с лейтенантом Очкиным, одно противотанковое ружье и автоматы с ограниченным количеством боеприпасов. Два танка показались из-за угла цеха. Они вели огонь и двигались к круче. За ними перебежали автоматчики. Алексей из противотанкового ружья подбил

один из танков. При перезарядке ружья, к несчастью, получился перекокс патрона. Не долго думая, Алексей вскочил на кромку кручи и каблуком сапога выбил затвор и патрон, дослал в патронник новый патрон и прицелился. В этот миг около него разорвался снаряд, и наш герой упал, сраженный осколком. Но он остался жив. Один из осколков пробил ему комсомольский билет, который сейчас хранится в музее обороны города-героя на Волге. Жизнь героя спасло зеркальце из нержавеющей стали, которое он подобрал в немецком танке и положил в левый карман гимнастерки вместе с комсомольским билетом.

Генерал Дерр, конечно, не знал, какие силы и какие герои 62-й армии срывали замыслы Гитлера и Паулюса, перемалывали главные силы отборных фашистских войск на Волге.

В ночь на 16 октября на правый берег Волги был переброшен полк 138-й стрелковой дивизии Ивана Ильича Людникова, который мы сразу ввели в бой севернее завода «Баррикады».

В эту же ночь одна пехотная (389-я) и одна танковая (16-я) дивизии врага, усиленные механизированными полками, возобновили наступление. Они стремились уничтожить северную группу, которая дралась в окружении, обороняя поселки Рынок и Спартановка. А с утра 16 октября три пехотные (305, 100 и 94-я) и две танковые (14-я и 24-я) дивизии бросились в наступление на юг вдоль Волги, стараясь смять боевые порядки нашей армии с флангов и с тыла.

Ослабленные до предела части дивизии Жолудева и Горишного и один полк дивизии Людникова с 84-й танковой бригадой вели неравный бой против пяти дивизий, усиленных авиацией и артиллерией.

Большие массы пехоты и танков ринулись в атаку вдоль дороги, идущей от Тракторного к заводу «Баррикады». И тут они наткнулись на закопанные в землю танки 84-й бригады. В районе Трамвайной улицы и западнее наши танкисты встретили атаку врага дружным огнем на расстоянии 100—200 метров. Сразу загорелось более десятка вражеских машин. Атака гитлеровцев захлебнулась. В этот момент наша артиллерия, в том числе и Волжской флотилии, открыла с левого берега уничтожающий огонь по остановившейся пехоте и танкам.

Находясь вдали от поля боя и не видя, что происходит на участке главного удара, гитлеровские генералы выдвигали вперед все новые и новые части, которые волнами подкатывались к нашим рубежам. Здесь они останавливались и перемалывались мощными залпами «катюш». А вражеские танки, попав под губительный огонь хорошо замаскированных Т-34 и противотанковых орудий, пятились назад, бросая пехоту.

Мой заместитель по бронетанковым войскам М. Г. Вайнруб и командир 84-й танковой бригады Д. Н. Белый хорошо поработали. 16 октября они преподнесли гитлеровцам такой орешек, который те долго не могли разгрызть.

В ночь на 17 октября на наш берег переправились остальные два полка дивизии Людникова. Мы их тотчас же ввели в бой. На рубеже Волховстроевская улица — завод «Баррикады» — парк Скульптурный они соединились с разрозненными частями дивизий Жолудева и Горишного. Штаб Людникова обосновался в блиндаже Военного совета армии. Другого места не было.

День 17 октября прошел в тяжелых оборонительных боях. Северная группа полковника Горохова сражалась

в окружении. Больше двадцати немецких танков с автоматчиками прорывались на южную окраину поселка Спартановка. Там дрались не на жизнь, а на смерть.

Противник тем временем продолжал атаки на юг, от Тракторного завода на завод «Баррикады». Его авиация — сотни пикировщиков и штурмовиков — бомбила и штурмовала участок, где были закопаны танки 84-й бригады. Горели здания, горела земля, и горели танки, закопанные в этом районе, гибли люди и техника: зенитная артиллерия не могла надежно прикрыть войска.

В тот же день отдельные группы пехоты противника с танками прорвались к северо-западному сектору завода «Баррикады».

В бой вступил вооруженный отряд рабочих этого завода.

Остатки дивизии Горишного были сведены в один 161-й полк, который занял оборону и вел бой в районе Сормовской улицы. Штаб дивизии и штабы двух полков мы отправили на левый берег для укомплектования.

Дивизия Гуртьева весь день отражала атаки танков и пехоты в районе стадиона.

Части Смехотворова отбивали атаки вражеской пехоты и танков в районе Казачьей улицы.

На участке дивизий Гуртьева и Батюка все атаки врага были отбиты.

За день боя 17 октября было подбито и сожжено 40 танков и уничтожено до 2000 человек пехоты противника.

Приближались тяжелые бои за завод «Красный Октябрь». Об этом говорили данные разведки. С разрешения штаба фронта мы перенесли командный пункт южнее оврага Банный.

В ночь на 18 октября офицеры штаба армии с Военным советом оставили свой блиндаж, нагруженные документами и средствами управления. Добравшись до оврага Банный, мы долго подыскивали место для командного пункта армии и несколько раз попадали под огонь пулеметов противника. Было очевидно, что здесь не место для командного пункта, и нам пришлось пройти около километра южнее и развернуть работу прямо на берегу Волги, под открытым небом. От Мамаева кургана — передовой линии боев — мы находились на расстоянии одного километра. Если бы об этом знал Паулюс, он, вероятно, не задумался бы послать два-три десятка штурмовиков, чтобы стереть нас с лица земли.

Это было последнее место нашего командного пункта, с него мы уже не уходили до самого конца Сталинградской битвы.

18 октября была получена информация из группы Горохова. Положение там было тяжелое, но не безнадежное. Прорвавшийся в Спартановку противник был уничтожен. Эти сведения несколько успокоили нас — мы уже не тревожились о правом фланге армии.

Основные бои в этот день продолжались за завод «Баррикады» и распространялись на юг, к заводу «Красный Октябрь». Части Людникова, Жолудева, Гуртьева всю ночь и весь день отражали атаки с севера на завод «Баррикады» и на парк Скульптурный. В 15 часов противник прорвал фронт южнее Деревенской улицы и вышел к Волге. 650-й полк штыковой контратакой уничтожил прорвавшихся к Волге гитлеровцев и восстановил положение.

К исходу дня ударом пехоты и танков вдоль Трамвайной улицы противник пробил наши боевые порядки

и вышел к железной дороге западнее завода «Баррикады». Находившийся на заводе рабочий отряд вступил в жестокий бой, который длился несколько суток. К его исходу от всего отряда осталось в живых пять человек.

Части Смехотворова с утра отражали атаки немецкой пехоты и танков, наступавших с запада. В 11 часов 30 минут правый фланг дивизии был смят. Создалась явная угроза окружения частей Гуртьева в районе парка Скульптурный. Чтобы ликвидировать ее, мне пришлось в первый раз за все время боев в городе приказать отвести часть своих войск на 200—300 метров назад, к Волге. Этим мы выравняли фронт.

В приказе не упоминалось об отходе, а говорилось так: «Дивизии Гуртьева к 4.00 часам 19 октября занять и оборонять участок улиц Сормовская, Туниковская...», что означало отойти из района парка Скульптурный назад, на новые позиции.

Мы не могли и не должны были употреблять в своих приказах такие слова, как «отход», «отступить», чтобы другие командиры не подумали, что с разрешения армии или фронта можно отводить войска на новые позиции.

В результате боев за 18 октября противник потерял 18 танков и до трех батальонов пехоты.

Чувствовалось, что не только наши войска поредели и обескровились, но и захватчики не могут повторять без конца свои безумные атаки. Они захлебывались в собственной крови. Материальные запасы противника также истощались. Удары вражеской авиации снизились с трех тысяч до одной тысячи самолето-вылетов в сутки.

Все же, несмотря на колоссальные потери, Паулюс не отказывался от мысли взять город. Какая-то непонятная сила толкала противника на новые атаки. Появлялись

свежие пехотные дивизии и танки, которые, невзирая на потери, ломились вперед, к Волге. Казалось, Гитлер готов истребить всю Германию за один этот город.

Но гитлеровцы были уже не те. Даже свежие части и пополнения теперь знали, что такое бои на берегу Волги. Вот выписка из дневника унтер-офицера 226-го полка 79-й пехотной дивизии Йозефа Шафштейна:

«Городище, недалеко от Сталинграда. Здесь настоящий ад!.. Сегодня в первый раз увидел Волгу. Наши атаки безуспешны, наступление начали удачно, потом откатились назад... Ночью сильная бомбежка, думали, что нам конец... На следующий день наступление опять безуспешное, ожесточенный бой, противник стреляет со всех сторон, из всех щелей, нельзя показаться... Ночью не дают покоя авиация, артиллерия и русская «катюша», большие потери».

Из этих отрывочных дневниковых записей видно: гитлеровские солдаты поняли, что их привезли сюда не на увеселительную прогулку.

19 и 20 октября армия отбивала атаки противника перед Спартановкой, перед заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь». За эти два дня и две ночи атаки врага не принесли ему существенных результатов.

Но мы знали и видели, что в районе поселка Баррикады и высоты 107,5 противник готовит новый удар свежими силами. И мы должны были строго рассчитывать свои силы, чтобы отбивать непрерывные атаки гитлеровцев и быть готовыми для отражения атак на новом направлении.

21 и 22 октября появились свежие части немцев, которые были брошены против дивизий Смехотворова и Гурьева по Коммунальной и Центральной улицам. С этого дня бои за заводы «Баррикады», «Красный

Октябрь» и за нашу переправу через Волгу стали приобретать все более ожесточенный характер.

Авиация противника снова увеличила количество самолето-вылетов до двух тысяч в сутки.

23 октября противник бросил в бой пополненную 79-ю пехотную дивизию с тяжелыми танками. Под прикрытием большой массы самолетов она начала наступление. Главный удар наносился по Центральной и Карусельной улицам на завод «Красный Октябрь». Теперь центр тяжести боев переместился на участок фронта от завода «Баррикады» до оврага Банный.

К исходу дня захватчикам ценой больших потерь удалось прорваться на Стальную улицу (к хлебозаводу) и продвинуться за заводскую железную дорогу, заваленную разбитыми вагонами.

Вечером, в сумерки, наша артиллерия нанесла сильный удар по танкам и пехоте врага, скопившимся на подступах к заводу «Красный Октябрь».

Первые атаки противника утром 24 октября были отбиты с большими для него потерями. Тогда гитлеровцы ввели в бой вторые эшелоны и резервы. В 16 часов 30 минут им удалось овладеть центральной и юго-западной частью завода «Баррикады».

В 18 часов пехота и танки противника вышли на командный пункт 895-го стрелкового полка. Командир полка майор Устинов, связавшись с нами по радио, попросил дать залп «катюш» по его командному пункту. «Другого выхода нет», — заканчивалась его просьба.

Залп полка «катюш» пришелся как раз по скопленнию противника, окружившего командный пункт Устинова. Но Устинов остался невредим.

По Краснопресненской улице к северо-западным воротам завода «Красный Октябрь» прорвались около двух

батальонов пехоты и 17 танков противника. 117-й полк дивизии Гурьева вел тяжелый бой, однако небольшим группам гитлеровских автоматчиков удалось просочиться в цехи завода.

В конце дня нам сообщили, что прямым попаданием бомбы разрушен командный пункт 1045-го полка. Командир полка подполковник Тимошин убит.

За десять дней боев немцы еще раз разрезали нашу армию на две части, нанесли нам большие удары, захватили Тракторный завод, но уничтожить северную группу и главные силы армии не смогли.

Как никогда окреп наш боевой дух. Если бы нам приказали почему-либо оставить город, мы, солдаты, офицеры и генералы, поняли бы этот приказ как ложный и за Волгу не ушли бы.

С 24 октября гитлеровцы стали реже прибегать к ночным атакам, убедившись, видимо, что они не приносят им желаемых результатов, и решили использовать почное время для отдыха и подготовки к дневным боям. Мы же, наоборот, решили действиями штурмовых групп и внезапными артиллерийскими и авиационными налетами именно ночью делать свое дело: срывать их плановую подготовку к наступлению, не давать им покоя. Ночь стала нашей родной стихией.

Днем 25 октября противник возобновил атаки на всем фронте армии крупными силами. Его удар на поселок Спартановка силой пехотной дивизии с танками создал тяжелое положение на фронте северной группы.

При поддержке авиации танки и пехота противника несколько потеснили части 149-й бригады. На помощь северной группе Горохова пришли корабли Волжской флотилии, которые огнем своей артиллерии наносили врагу серьезные удары.

Повторные атаки врага 26 и 27 октября успеха ему не принесли. Северная группа при поддержке боевых судов Волжской флотилии выбила захватчиков из поселка Спартановка.

27 октября прямым попаданием снаряда был убит начальник штаба 149-й бригады майор Кочмарев.

В тот же день части Людникова и Гуртьева вели тяжелые бои за завод «Баррикады». И хотя в цехах завода находилась лишь горсточка наших бойцов, противник, имевший пятикратное превосходство в силах, на участке наших штурмовых групп успеха не имел.

В то же время левый фланг дивизии Людникова и полк дивизии Гуртьева были смяты противником. Его автоматчики захватили улицы Мезенская и Тувинская и начали обстреливать район нашей последней переправы. В это время части Смехотворова отбивали атаки 79-й пехотной дивизии немцев, главный удар которой направлялся на завод «Красный Октябрь».

Сквозь поредевшие боевые порядки этих частей просочились фашистские автоматчики. Они подошли к штабу 39-й дивизии, и в блиндаж Гурьева полетели ручные гранаты. Узнав об этом, я бросил на выручку Гурьева роту охраны штаба армии. Дружной атакой она отеснила автоматчиков от штаба дивизии и, преследуя их, проникла на завод «Красный Октябрь», где и осталась: мы влили ее в дивизию Гурьева.

Противник продолжал наносить удары по переправе и «Красному Октябрю». До 15 часов атаки отражались успешно, но к исходу дня гитлеровцам все же удалось занять Машинную улицу.

На участке между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь» захватчики находились от Волги метрах в четырехстах. Таким образом, наша последняя

переправа оказалась под огнем пулеметов противника.

В ночь на 27 октября к восточному берегу Волги начали прибывать полки 45-й стрелковой дивизии, которая включалась в состав 62-й армии. За ночь нам удалось переправить только два батальона этой дивизии.

Переправившиеся батальоны я подчинил командиру 193-й дивизии генералу Смехотворову. Они заняли оборону между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь». Перед ними была поставлена задача не допустить врага к Волге, к переправе.

Узнав, вероятно, о прибытии свежих сил в заводской район, противник почти целый день бомбил участок между заводами. На боевые порядки батальонов обрушились бомбы до тонны весом. Затем, как всегда, после удара авиации на этот участок бросились в атаку пехота и 35 танков. После неудачи первой атаки гитлеровцы предприняли вторую, третью...

За день боя батальоны потеряли половину своего состава, но врага к Волге не пропустили. Однако к вечеру ему удалось все же отеснить левый фланг этих батальонов вместе с разрозненными группами стрелков 193-й дивизии на улицу Бакинских комиссаров. Остатки подразделений закрепились всего лишь в трехстах метрах от Волги.

К вечеру противник захватил северо-западную часть завода «Красный Октябрь». Там завязался упорный бой, длившийся многие дни и недели.

Штаб армии оказался почти без охраны. В запасном полку армии остался единственный учебный батальон (готовивший сержантов для армии), который я берег до последнего момента. Однако и он вел теперь бои в заводском районе.

Медленно, очень медленно шла переправа полков 45-й дивизии Соколова: причалы 62-й армии были разбиты и сожжены. Полки грузились на паромы вдали от города — в Ахтубинской протоке и возле поселка Тумак, откуда только ночью выходили на Волгу и с большим риском, местами перед самым носом противника, вышедшего к волжскому берегу, пробирались к участку обороны армии.

До прихода 45-й дивизии Соколова нам надо было продержаться два-три дня. Но где взять силы для этого? Нам удалось набрать из охраны штаба человек двадцать, к ним присоединили тридцать бойцов, выписавшихся из санчастей и лазаретов, расположенных под берегом Волги. Вытащили с поля боя три подбитых танка: один огнеметный и два легких. Их быстро отремонтировали, и я решил «ошеломить» противника: с утра 28 октября пустить в контратаку три танка и 50 стрелков. Направление контратаки — стык между дивизиями Смехотворова и Гурьева по Самаркандской улице, где противник почти вплотную подобрался к Волге.

Мой заместитель по бронетанковым войскам Вайнруб всю ночь водил по крутому берегу эти танки, подыскивая хороший исходный рубеж. Контратака началась рано утром, перед рассветом. Ее поддерживала артиллерия с левого берега и полк «катюш» полковника Ерохина. Захватить большое пространство не удалось, однако результаты получились внушительные: огнеметный танк сжег три вражеских танка, два легких подавили гитлеровцев в двух траншеях, где тотчас же закрепились наши стрелки.

У страха, как известно, глаза велики. Фашисты по радио заговорили о русских танках. Они громко кричали об этом весь день, по-видимому оправдываясь

перед высшим командованием. Так нам удалось выиграть на этом участке целый день. В районе завода «Баррикады» немцам после многократных атак удалось выйти на Новосельскую улицу. Здесь отдельные подразделения гитлеровских автоматчиков пробирались до самой Волги, но в рукопашных схватках уничтожались на берегу.

Части Людникова и Гуртьева за эти два дня отбили семь атак.

Дивизия Батюка и 13-я гвардейская отбивали частые атаки в районе Мамаева кургана и южнее. Намп были пущены в дело огнемётные средства.

К вечеру 29 октября бои начали затихать, а 30 октября велась только перестрелка: силы захватчиков были истощены до предела.

Мы поняли, что сражение выигрывают советские войска.

Приближалась годовщина Великого Октября. Мы ожидали, что Гитлер постарается омрачить наш праздник новым наступлением на город: на станциях Гумрак и Воропоново у него были еще резервы. Но это нас уже не страшило. Мы знали: чтобы повторить наступление, нужны время и силы, а время работало на нас. Нам никто не говорил о том, какие новые события назревают на фронте. Но я уже упоминал, что в годы войны даже в самых изолированных и отрезанных от всего мира частях существовала никем не управляемая связь, которая именовалась «солдатским вестником». Он-то и донес до нас весть о движении больших сил к Волге.

Сидеть сложа руки и ждать пока еще не известного нам назревающего события мы не могли: последняя переправа находилась под пулеметным огнем противника, позиции наши держались, как говорится, на волоске.

Мы должны были оградить от автоматного и пулеметного огня пристань в районе завода «Красный Октябрь», чтобы хоть ночью могли причаливать и разгружаться суда Волжской флотилии. Поэтому, закончив переправу всех частей 45-й стрелковой дивизии Соколова, Военный совет армии решил контратаковать противника. В приказе говорилось, что главный удар наносится силами 45-й стрелковой дивизии в полосе между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь».

Задача: после 30 минут артподготовки, тесно прижимаясь к огневому валу, не задерживаясь на отдельных огневых точках и мелких группах противника, первыми наступающими эшелонами выйти на линию железной дороги Тушиковая. Очистку позиций от оставшегося противника производить полковыми и дивизионными резервами.

Дивизии Гурьева приказано наступать в границах полосы своей обороны и выйти на линию железной дороги в пункте Северная.

От всех наступающих подразделений и частей приказ требовал смелого и быстрого продвижения вперед.

Наша контратака состоялась 31 октября и, на мой взгляд, принесла нам большие успехи. Мы кое-где продвинулись метров на сто вперед, заняли западную часть Новосельской улицы, западную опушку садов; на заводе «Красный Октябрь» вернули мартеновский, калибровый, сортовой цехи и склад готовой продукции. А самое главное — мы показали себе и врагу, что можем не только обороняться, но и атаковать и отвоевывать ранее потерянное. И наконец, получилось так, что последний удар в конце схватки, продолжавшейся с 7 по 31 октября, нанесли мы, а не противник. Это была наша моральная победа, которую принесла нам славная 45-я дивизия.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ АРМИИ ПАУЛЮСА

ПОДГОТОВКУ к своему последнему наступлению Паулюс, вероятно, начал еще до 1 ноября, но в пылу горячих схваток мы не смогли заметить этого. Теперь же, когда установилась тишина, когда разведчики стали проникать до вторых эшелонов противника, нам становилось ясно, что сражение за город еще не окончилось.

Что же гнало немцев на волжскую твердыню глубокой осенью 1942 года? Ответ был один: Гитлер боялся потери военного и политического авторитета перед странами оси и поэтому действовал по пословице: «Лучше поздно, чем никогда». Поддержать подорванный престиж фашистской Германии — такова была его цель. Поэтому гитлеровские генералы, как быки, уперлись лбами в развалины у Волги и с идиотским упорством добивались выполнения директивы фюрера. Они не замечали того, что для немецких войск нами уже подготовлена западня.

Гитлеровский генерал Ганс Дерр в своей книге «Поход на Сталинград» так характеризует этот период боев:

«Главное командование (Гитлер), однако, хотело «завершить сражение за Сталинград, очистив от противника остальные районы города», — так говорилось в директивах ОКВ¹.

Эта задача носила теперь уже тактический характер. Пропагандой обеих сторон ей было придано стратегическое значение. До тех пор, пока русские сражались западнее Волги, Сталин мог утверждать о героической обороне своего города. Гитлер не хотел успокаиваться, пока его войска не захватили последний клочок земли, называвшейся Сталинградом. Политика, престиж, пропаганда и чувство взяли верх над трезвой оценкой полководца».

Правда, теми силами, которыми 62-я армия располагала после жесточайших боев в заводском районе, сразу невозможно было развернуть наступательные действия в широком масштабе. Однако, перейдя к активным действиям в первых числах ноября, мы стали расширять свою территорию на правом берегу Волги.

Мы были уверены, что наши активные действия, даже последними силами, притянут гитлеровские войска к городу и сделают то, что надо Верховному главнокомандованию.

В ход было пущено все: и опыт, и умение, и дерзость. Наши штурмовые группы не давали захватчикам покоя ни днем ни ночью: они отбивали отдельные дома и целые районы, заставляли противника распылять силы и втягивать в бой резервы. Немцы сидели в захваченных зданиях, как на бочке с порохом, ожидая, что вот-вот они будут атакованы или взлетят на воздух.

---

¹ Главное командование вооруженных сил.

Одновременно мы готовились к отражению нового наступления противника. Наша разведка систематически наблюдала подход и скопление сил немцев в районе поселков Баррикады и Красный Октябрь. Наступавшие холода как бы прижимали гитлеровцев к городу, где еще действовала 62-я армия, с которой им хотелось как можно скорее расправиться и спокойно укрыться в теплых подвалах. 4 ноября я записал в своем дневнике: «В ближайшие дни... противник будет продолжать ожесточенные атаки. Он введет в бой свежие силы — до двух пехотных дивизий. Однако видно, что он напрягает последние усилия».

Ведя активные действия мелкими штурмовыми группами, армия накопила к этому времени кое-какие резервы. На левом берегу Волги мы имели два стрелковых полка со штабом дивизии Горишного (они находились там на доукомплектовании) и 92-ю стрелковую бригаду, которая получила на пополнение прибывших с Дальнего Востока моряков.

Общей задачей для каждой дивизии ставилось: путем частных операций расширить обороняемый плацдарм, выдвигая свой передний край вперед (на запад) за каждые сутки не менее чем на 80—100 метров, с тем чтобы к исходу 6 ноября полностью очистить от противника территорию заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь». Каждое, хотя бы незначительное, продвижение вперед немедленно прочно и надежно закреплять.

Накануне праздника авиация противника заметно активизировалась. Разведывательные самолеты целыми днями висели над нашими боевыми порядками и, выследив важные цели — командные пункты, скопления стрелковых подразделений, — вызывали бомбардировщи-

ков, которые группами по 40—50 штук наносили сильные удары. Был смертельно ранен командир 149-й стрелковой бригады полковник Больвинов, человек железной воли и инициативы, настоящий герой. Его похоронили в районе Красной Слободки. Его имя навсегда останется в памяти и сердцах воинов 62-й. Душой солдат, он жил в окопе, как солдат, и погиб, как герой.

5 ноября прямым попаданием авиационной бомбы был уничтожен штаб 895-го полка во главе с командиром полка Устиновым. В ответ на это мы усилили ночные действия штурмовых групп. Особенно отличились сибиряки из дивизии полковника Батюка. Дождавшись темноты, они смело выдвигались вперед, захватывали блиндажи, дзоты, уничтожали в них гарнизоны и так постепенно, шаг за шагом расширяли территорию.

Наступило резкое похолодание. От местных жителей мы получили информацию о режиме Волги: в ноябре на ней появляется «шуга» — ледяное сало, которое потом переходит в сильный ледоход. Во время ледохода связь через Волгу прекращается, так как плавучие средства не в состоянии преодолеть его.

Возможно, именно этого момента ждал Паулюс для начала нового наступления. Разведчики приносят документы убитых солдат и офицеров 44-й нехотной дивизии, которая ранее находилась в районе Воропоново, в резерве главных сил 6-й полевой армии. Значит, свежие силы для нового наступления были уже на исходных позициях. Нам предстояло бороться на два фронта: и с противником, и со стихией на Волге.

Предвидя возможные осложнения, Военный совет армии заранее дал штабу тыла строгий график обеспечения действующих в городе частей и потребовал в пер-

вую очередь подвозить людское пополнение и боеприпасы в большом количестве, ибо без них армия погибнет, во вторую очередь — продовольствие и в третью — теплое обмундирование. Мы сознательно шли на голодовку и согласны были переносить стужу, но, чувствуя готовящийся удар противника, не могли остаться без людей и боеприпасов. Отсутствие боеприпасов в такой обстановке было равносильно смерти.

Так за несколько дней до сплошного ледохода и начала нового наступления противника армия обеспечила себя боеприпасами. Таким же путем мы создали порядочные запасы продовольствия и в октябрьский праздник угощали солдат сибирскими пельменями. Я имел свой тайный склад. Им ведал подполковник Спасов. Там хранился неприкосновенный армейский запас — около двенадцати тонн шоколада. Я рассчитывал в трудную минуту, выдавая по полплитки на человека, прожить одну-две недели, пока замерзнет Волга и наладится регулярное снабжение.

11 ноября в 6 часов 30 минут после авиационной и артиллерийской подготовки противник перешел в наступление. В нем участвовало пять пехотных (389, 305, 79, 100 и 44-я) и две танковые (24-я и 14-я) дивизии, усиленные отдельными частями 294-й пехотной дивизии, переброшенными на самолетах из Россоши, и частями 161-й пехотной дивизии, доставленными также на самолетах из Миллерово.

Фронт наступления шириной около пяти километров шел от Волховстроевской улицы к оврагу Банный. Хотя большинство вышеупомянутых немецких дивизий было неполного состава (их основательно потрепали в недавних боях), все же плотность боевых порядков противника была ошеломляющая.

По-видимому, Паулюс рассчитывал одним ударом смять стрелковые дивизии Людникова, Горишного, Соколова, Гурьева и Батюка и выйти к Волге.

Весь день шла исключительно упорная борьба за каждый метр земли, за каждый кирпич и камень. Бой ручными гранатами и штыками продолжался часами.

На Мамаевом кургане дивизия Батюка вела встречные бои с наступавшим противником.

От авиабомб, от артиллерийских снарядов и мин валились заводские трубы. Было видно, что главный удар противник наносит в стык между стрелковыми дивизиями Людникова и Горишного. 118-й гвардейский стрелковый полк, насчитывавший накануне 250 штыков, к 12 часам дня имел только шесть. Командир полка был тяжело ранен.

В 11 часов 30 минут гитлеровцы ввели в бой резервы, их пехота и танки смяли боевые порядки на правом фланге 241-го стрелкового полка дивизии Горишного и вышли к Волге на фронте 500—600 метров. Армия третий раз оказалась разрубленной, а стрелковая дивизия Людникова была отрезана от главных сил.

Но на остальных участках фронта армия свои позиции не сдала. Паулюс не реализовал свое превосходство в силах и не выполнил намеченного плана. Сбросить 62-ю армию в ледяную Волгу ему не удалось.

Новое наступление врага, как и следовало ожидать, совпало с началом мощного ледохода на Волге. Суда Волжской флотилии ни днем ни ночью не могли пробиться к нам ни из Ахтубы, ни из Тумака. Мы были окончательно и надолго отрезаны от левого берега. Несмотря на столь тяжелое положение, настроение в армии было неплохое. Долгожданный удар противника

не застал нас врасплох, и первый день боя не дал Паулюсу решительного результата.

По документам убитых немцев мы видели, что долго так гитлеровцы наступать не смогут, что через два-три дня они будут обескровлены и выдохнутся. Мы чувствовали, что правильно решаем свою задачу: противник не только не уходит из города, но, подтянув свежие силы, снова лезет в петлю, которая, как нам казалось, должна была скоро захлестнуться.

Из разговоров по телефону с командованием фронта я понял, что там удовлетворены нашей стойкостью. Однако 62-й армии предстояло выдержать еще немалые испытания: с утра 12 ноября противник проводил перегруппировку сил, подтягивал резервы, значит, нужно было ждать новых атак. И они возобновились в 12 часов дня. Бой закипел на всем участке фронта армии. Пьяные или обезумевшие фашисты лезли напролом. Матросы с Дальнего Востока, пополнившие стрелковую дивизию Горишного, показали захватчикам, «где раки зимуют» и как дерутся славные краснофлотцы. Бензобаки на Тувинской улице несколько раз переходили из рук в руки. Краснофлотцы в пылу боя сбрасывали с себя шинели и в одних тельняшках и бескозырках, отбив атаки, сами переходили в наступление. Не менее жестокая борьба шла в цехах заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и на Мамаевом кургане. Нам самим уже стало казаться, что наши бойцы превратились в бессмертных богатырей, что их никакая сила не берет.

Наша оценка боя, сил и средств противника подтвердилась полностью. Отчаянное наступление гитлеровцев закончилось вечером 12 ноября. Атаки были отбиты на всех участках обороны армии. Потери гитлеровцев

за эти два дня боев были колоссальные, они исчислялись тысячами.

Упоминаемый выше гитлеровский генерал Дерр так описывает бои в ноябре месяце:

«В начале ноября получившие подкрепление русские войска перешли на различных участках к частным контратакам. Хотя они и не добились ощутимых результатов, сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что перспективы «окончательно захватить» Сталинград не улучшились.»

Несмотря на это, Гитлер отдал распоряжение о продолжении наступления с «нарастающей силой». 10 ноября 51-й армейский корпус предпринял наступление на химический завод «Лазурь» (он получил название «Теннисная ракетка» в связи с формой железнодорожной петли, внутри которой он был расположен), восточнее высоты с отметкой 102 (Мамаев курган), которая уже много раз переходила из рук в руки (в этом наступлении участвовало много инженерных войск), а также на металлургический завод «Красный Октябрь». Рабочий поселок был взят, поисковыми группам удалось также проникнуть в цехи. Однако на этом наступательный порыв на второй день иссяк. Наступление было приостановлено, большая часть завода осталась в руках русских.

Общие результаты боев на протяжении этих двух месяцев были с оперативной точки зрения незначительными, а с тактической — недостаточными. 62-я армия занимала кроме полосы берега севернее Сталинграда у Рынок позиции на Волге только севернее и южнее «Баррикады» и у южной окраины Сталинграда. Но самый важный участок, причал парома между Красной Слободой и городом, оставался у русских.

Потери 6-й армии в живой силе и технике были для нее самыми тяжелыми со времени начала летней кампании. Возможность ее оперативного использования значительно ухудшилась.

Для оборонявшихся войск русских в эти недели был ряд критических моментов: особенно тяжелая обстановка складывалась для них 14 октября и 11 ноября. Отесненные на узкий клочок территории, имея в тылу Волгу, они не имели другого выхода: либо им пришлось бы сдать город, либо они должны были упорно защищать каждую пядь земли западнее реки. Войска 62-й армии могли бы получать подкрепления, если бы для связи с противоположным берегом имелись более благоприятные условия, однако они улучшились только после начала контрнаступления русских, 16 декабря, когда Волга замерзла. До этого времени вся связь с тылом осуществлялась на паромках и лодках. Впрочем, командование русских стремилось сохранить свои силы для контрнаступления, ставя перед собой задачу сковывать минимальными силами как можно больше сил немцев в Сталинграде».

После такой оценки обстановки можно дать ответ: вы правы, господа гитлеровцы, и даже больше, как говорят русские, вы, господа фашисты, стали умны, да с запозданием!

К 15 ноября, то есть на четвертый день наступления, против 62-й армии на фронте от поселка Рынок до Курпоросного действовало пятнадцать вражеских дивизий: 14, 16 и 24-я танковые, 3, 29 и 60-я моторизованные, 94, 389, 305, 79, 100, 295, 71, 371 и 297-я пехотные. Все они имели основную задачу — захватить город.

Вся эта мощная вражеская группировка при поддержке 4-го воздушного флота с 23 августа почти

непрерывно вела бои непосредственно у Волги. И когда 11 ноября, за восемь дней до начала нашего общего контрнаступления, Паулюс бросил в последнюю атаку все силы, у него на фронте в пять километров (от улицы Волховстроевская до оврага Банный) оказались части только семи пехотных дивизий (389, 305, 79, 100, 44, 294 и 161-й) и двух танковых (14-й и 24-й). Остальные вражеские дивизии были перемолоты войсками 62-й армии. Да и не от хорошей жизни Гитлер и его генеральный штаб стали концентрировать на фронте в пять километров части девяти дивизий, одна из которых (294-я) была переброшена на самолетах из Россоши, а другая (161-я) — из Миллерово.

Наступление Паулюса захлебнулось на второй день и развиваться его было нечем — пополнения уже неоткуда было взять. Отбив 11 ноября атаки противника, несмотря на то что армия третий раз была разрезана до самой Волги, мы поняли, что это было последнее наступление врага.

Теперь перед нами встала задача оказать помощь дивизии Людникова, оторванной от главных сил армии. Ее положение стало очень тяжелым: она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шел сплошной лед. Своими контратаками мы не дали возможности противнику уничтожить дивизию Людникова.

В ночь на 16 ноября наши «ночные» самолеты на парашютах сбросили Людникову четыре тюка продовольствия и четыре тюка боеприпасов. А в ночь на 20 ноября четыре бронекатера наконец пробились в протоку Денежная Воложка, затем к берегу, где оборонялась дивизия. Катера доставили боеприпасы, медикаменты и вывезли 150 раненых.

Следует отметить работу экипажей парходов «Пугачев», «Спартак», «Панфилов» и бронекатеров № 11, 12, 13, 61 и 63. В эти дни и ночи они творили истинно героические дела. Мы наблюдали ночью, как эти суда метр за метром, с разгона пробивая путь среди льдов, шли от пристани Тумак на север по Волге, к берегу, где оборонялась 62-я армия.

Были дни, когда эти суда не могли в темноте вовремя вернуться обратно; а идти днем вдоль берега, занятого немцами, было равносильно гибели. Тогда они оставались у нашего берега, маскировались парашютами, белыми простынями и мешками под цвет снега и льда.

Вспоминая бои на берегу Волги, я не могу не остановиться на одном очень важном вопросе, который, на мой взгляд, еще слабо освещен в военной литературе, порой неоправданно забывается в наших докладах и работах по обобщению опыта Великой Отечественной войны. Я имею в виду вопрос об участии в войне женщин, которые в годы войны сыграли огромную роль не только в тылу, но и на фронте. Наравне с мужчинами они несли все тяготы боевой жизни и вместе с нами, мужчинами, дошли до Берлина.

Можно без всякого преувеличения сказать, что в Великую Отечественную войну женщина всюду стояла рядом с мужчиной.

У нас были целые части — зенитные дивизионы, полки ночных бомбардировщиков ПО-2, в которых большинство боевых расчетов и экипажей состояло из женщин. И нужно сказать, что эти части выполняли боевые задачи не хуже, чем части, в которых было больше мужчин. Для примера возьмем только два вида боевого обеспечения обороны — противовоздушную оборону и связь.

В Сталинградском корпусе противовоздушной обороны в боевых расчетах, будь то у зенитных орудий или у приборов прожекторных установок, большинство составляли женщины. Однако боеспособность таких расчетов и батарей была ничуть не ниже боеспособности тех зенитных подразделений, расчеты которых были укомплектованы преимущественно мужчинами. Женские расчеты зенитных орудий не бросали орудий и продолжали вести огонь даже тогда, когда на них сыпались десятки бомб. Они оставались на узкой полоске берега Волги и вели огонь по самолетам врага до последнего снаряда.

В октябре мне довелось встретиться с орудийным расчетом, в котором было пять еще совсем юных, но уже закаленных боями отважных девушек. Я никогда не забуду грустное лицо белокурой наводчицы, которая, ведя огонь по девятке фашистских пикировщиков, сбила только один самолет, тогда как, по мнению ее подруг, можно было сбить два-три.

Подразделения связи 62-й армии в основном были укомплектованы девушками, которые умели свято выполнять приказ. Если их посылали на промежуточный пункт связи, то можно было быть уверенным, что связь будет обеспечена. Пусть по этому пункту бьют артиллерия и минометы, пусть на него сыплются бомбы с самолетов, пусть этот пункт окружают враги — женщины без приказа не уйдут, даже если им угрожает смерть.

Мне известен случай, когда на промежуточном пункте в районе разъезда Басаргино осталась только одна девушка-связистка — Надя Клименко. Когда все ее подруги были убиты или ранены, Клименко не ушла с поста и до последней минуты докладывала обо всем, что происходит на поле боя. Вот ее последние доклады

на узел связи армии: «Около пункта наших людей нет, я осталась одна, вокруг рвутся снаряды... Вижу, правее меня двигаются танки с крестами на броне, за ними идут пехотинцы... Мне уходить уже нельзя, все равно пристрелят, буду информировать. Слушайте... К моему пункту подходит танк, из него вылезают двое... Эти двое осматриваются кругом — они, кажется, офицеры, — направляются ко мне. Мое сердце замирает от страха, что-то будет...» На этом передача оборвалась. Что было дальше с Надей Клименко, никто не знает.

Спустя много лет после войны я встретил бывшую связистку — бойца 62-й армии товарища Разумееву. Встреча произошла на собрании избирателей накануне выборов в Верховный Совет СССР. Мы долго беседовали. Перед нами вновь и вновь вставали картины боев, которые остались далеко позади, но которые забыть невозможно. Передо мной была скромная, серьезная женщина, которая говорила о своих боевых подругах, а о себе лишь тогда, когда я задавал ей прямые вопросы и просил рассказать подробнее о том, что делала она сама.

— О себе?.. — удивленно пожимала она плечами. — Так ведь я о себе и говорю. Вместе со мной на Мамаевом кургане была Мария Гуляева, маленькая девчушка из Камышина, та самая, с которой мы вместе 12 сентября 1942 года под непрерывной бомбежкой вырыли блиндаж, правда, выход мы сделали в сторону противника, но не беда, наш узел связи находился там с 1 по 14 сентября. Вместе с ней, а потом с Шурой Шешеньей мы дежурили на коммутаторе. Там же в городе, но в других местах, была Тая Вдовина, Люба Стукалова, Клавдия Штонда, Лена Перетолчина и другие. Особенно запомнилась мне связистка Шура по фамилии Шешенья. Это с ней и с Таей Вдовиной я дежурила у телефонов

на Мамаевом кургане 13 сентября. В этот день Шура и Тая были тяжело ранены. Меня засыпало в яме, в которой гасили известь, а Шуру ранило осколком бомбы или снаряда — не знаю. Когда меня вытащили из ямы, Шура была без сознания. Мы перевязали ей ноги и сразу не заметили, что она ранена еще в грудь. Да и где там было заметить! Как ни трудно было, мы донесли Шуру до первого санитарного пункта, думая, что она еще жива. Меня потрясли слова, которые я услышала, когда Шуру положили на землю: «Да ведь она же мертвая!..»

Помню 31 августа 1942 года. Яблоновая балка. Фаня Резник, маленькая, смуглая, с чуть вьющимися каштановыми волосами, со своей подругой сидят в палатке у радиостанции, которая развернута на голом месте, если не считать маленький ровик рядом с палаткой.

Девушки уже слышат гул приближающихся бомбардировщиков, но не уходят: нужно передать срочное сообщение о наступлении немцев, о том, что вражеские танки прорвались в тыл одной из наших частей. И они не ушли. Ни Фаня, которая вела передачу, ни ее подруга, сидевшая рядом с ней. Так уж повелось у девушек-связисток: не бросать подруг, какая бы опасность ни угрожала.

Наблюдая за летящими самолетами и прислушиваясь к вою бомб, девушки определяли, где примерно будут рваться бомбы. Один, второй заход самолетов. А они все передают. Но вот самолеты сделали третий заход, и... на месте палатки зияет воронка.

С тяжелым чувством уходили связисты из Яблоновой балки. Здесь они оставили своих боевых товарищей — Фаню Резник, ее подругу и весельчака санинструктора.

События в те дни разворачивались так стремительно, что не удалось даже похоронить наших боевых товарищей. Так они и остались навсегда в Яблоновой балке, незаметные рядовые бойцы Советской Армии, погибшие, но выполнившие боевое задание.

Рассказала мне в тот вечер Разумеева и о своей хорошей подруге Шуре Шешенья.

Любое порученное дело она выполняла с каким-то особенным чувством. Всегда стремилась сделать больше, чем ей поручалось...

13 сентября 1942 года на Мамаевом кургане была установлена связь между командованием укрепленного района и штабом 62-й армии. В этот день здесь не было ни минуты затишья. Все время бушевал огонь артиллерии и минометов. Конечно, удержать бесперебойную связь было трудно, но ее все же удерживали.

К трем часам дня на узле связи не осталось ни одного линейщика: все были на линии.

И когда уже некому было идти на линию, чтобы восстановить прерванную связь, Шура сказала командиру роты связи:

— Разрешите мне пойти, на коммутаторе без меня обойдутся.

— Огонь такой, что вы даже не сможете добраться до места разрыва линии.

— Смогу, товарищ лейтенант, вы только разрешите,— настаивала Шура, держась за левый кармашек гимнастерки, в котором находилась кандидатская карточка.

Командир роты согласился, и Шура, уцепив девушку, которая осталась на коммутаторе (это в знак прощания), выскользнула из блиндажа.

Шура несколько раз включалась в линию, и те немногие, кто был в тот день на Мамаевом кургане и остался жив, помнят, как в полдень 14 сентября связь снова обрывалась и они больше уже не слышали голоса Шуры.

В памяти связисток Шура осталась и как хороший товарищ, и как самая скромная девушка, и как сильный духом воин.

В дивизии Батюка служила санитарка Тамара Шмакова. Я знал ее лично. Она прославилась тем, что выносила тяжелораненых с передовой линии боя, когда, казалось, нельзя было руку поднять над землей.

Ползком приблизившись к раненому, Тамара, лежа рядом с ним, делала перевязку. Определив степень ранения, она решала, что с ним делать. Если тяжелораненого нельзя было оставить на поле боя, Тамара принимала меры к срочной эвакуации. Чтобы вынести раненого с поля боя, обычно требуется два человека с носилками или без них. Но Тамара чаще всего справлялась с этим одна. Ее приемы эвакуации заключались в следующем: она подлезала под раненого и, собрав все силы, на спине тащила живой груз, часто в полтора — два раза тяжелее ее самой. А когда раненого нельзя было поднять, Тамара расстилала плащ-палатку, накатывала на нее раненого и тоже ползком тянула за собой тяжелую ношу.

Немало жизней спасла Тамара Шмакова. Многие, оставшиеся в живых, должны благодарить ее за спасение. А бывало, что убереженные от смерти бойцы, даже не могли узнать имя этой девушки. Сейчас она работает в Томской области врачом.

И таких героинь, как Тамара, в 62-й армии было немало. В списках награжденных по частям 62-й армии числилось свыше тысячи женщин. Среди них Мария

Ульянова, которая с начала и до конца обороны находилась в доме сержанта Павлова, Валя Пахомова, вынесшая с поля боя более ста раненых, Надя Кольцова, награжденная двумя орденами Красного Знамени, врач Мария Вельямидова, перевязавшая под огнем на передовой позиции не одну сотню бойцов и командиров, Люба Нестеренко, которая, оказавшись в осажденном гарнизоне старшего лейтенанта Драгана, сделала перевязки десяткам раненых гвардейцев и, истекая кровью, умерла с бинтом в руках возле раненого товарища.

Я вспоминаю женщин-врачей, работавших в медсанбатах дивизий и на эвакуопунктах при переправе через Волгу, каждая из которых в течение ночи перевязывала сто, а то и больше раненых. Известны случаи, когда медперсонал эвакуопункта за одну ночь отправлял на левый берег по две-три тысячи раненых.

И все это под непрерывным обстрелом из всех видов оружия и при бомбежке с воздуха.

Во второй половине октября положение в городе настолько осложнилось, расстояние между передовой линией боя и Волгой настолько сократилось, что Военный совет армии вынужден был некоторые части и учреждения перевести на левый берег, чтобы не иметь напрасных потерь. В первую очередь решено было отправить на левый берег женщин. Командирам и начальникам было приказано предложить бойцам-женщинам временно отправиться на левый берег, чтобы там отдохнуть и через несколько дней вернуться к нам.

Это решение Военный совет принял 17 октября, а утром 18-го ко мне явилась делегация от женщин — бойцов связи. Делегацию возглавляла Валя Токарева, уроженка города Камышина. Она поставила вопрос, как говорят, ребром:

— Товарищ командующий, почему вы выпроваживаете нас из города? Зачем вы делаете разницу между женщинами и мужчинами? Разве мы хуже их справляемся с работой? Как хотите, но мы не поедem за Волгу...

Я сказал им, что на новом командном пункте мы сможем развернуть переносные радиостанции и что только это заставляет меня отправить их на левый берег, пока не будут подготовлены рабочие места для тяжелых средств связи.

Делегация женщин согласилась выполнить указание Военного совета, но потребовала, чтобы я дал честное слово, что, как только будут созданы условия, необходимые для работы, мы переправим их обратно на правый берег.

Они переправились за Волгу 18 октября, а начиная с 20 октября связистки не давали нам покоя. «Мы уже отдохнули, — говорили они. — Когда вы снова возьмете нас в город?» Или: «Товарищ командующий, когда вы сдержите свое слово?»

Свое слово мы сдержали. В конце октября их вместе со средствами связи переправили в подготовленные блиндажи, чему они были очень рады.

Вечером 18 ноября у меня в блиндаже собрались товарищи Гуров, Крылов, Пожарский, Вайнруб, Васильев. Мы обсуждали наши возможности для дальнейших активных действий: силы наши были на исходе; наши просьбы о маршевом пополнении армии оставались неудовлетворенными. В этот час позвонили из штаба фронта и предупредили о скором получении приказа. Мы все переглянулись.

«О чем может быть этот приказ?» — подумал каждый из нас.

Вдруг Гуров, хлопнув себя ладонью по лбу, сказал: — Я знаю: это приказ о большом контрнаступлении!

Перейдя на узел связи, мы с нетерпением ждали, когда затрещит «Бодо» с долгожданними пунктами приказа. Около 12 часов ночи наконец дождались!

Приказ гласил, что войска Юго-Западного и Донского фронтов 19 ноября утром переходят в наступление из района Клетская, Иловлинская в общем направлении на Калач; войска нашего фронта переходят в наступление днем позже — 20 ноября из района Райгород в общем направлении на поселок Советский, далее на Калач. Задача: прорвать фронт противника, окружить и уничтожить его.

И тут мы поняли, какую важную роль сыграли полки и дивизии, около трех месяцев непрерывно сражаясь с превосходящими силами противника на самом берегу Волги.

19 ноября перешли в наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов, 20 ноября — войска Сталинградского фронта. С затаенным дыханием следили мы за развитием гигантского сражения. В то же время войска 62-й армии еще энергичнее повели контратаки с целью сковать силы противника в городе, не дав ему возможности свободно маневрировать, снимать свои части и перебрасывать их на другие участки фронта, где наносились главные удары.

План ноябрьской операции трех фронтов был выполнен блестяще. Наше верховное командование, командующие войсками фронтов и армий, командиры всех степеней проявили величайшее умение, зрелость и героизм, в результате чего две армии — двадцать две дивизии, 330 тысяч солдат и офицеров попали в окружение.

Я уверен, что захватчики не ожидали удара сразу трех фронтов, они прозевали сосредоточение наших ударных группировок. Начав 11 ноября последнее наступление против войск 62-й армии, гитлеровцы сами лезли в петлю, которая захлестнулась вечером 23 ноября в районе Калача. 24 ноября северная группа армии под командованием полковника Горохова соединилась с 99-й стрелковой дивизией Донского фронта. Нашей радости не было границ.

— Скоро будем жить на Большой земле,— говорили солдаты и офицеры 62-й армии.

И хотя позади свирепствовала волжская стихия, отрезавшая нас от всего мира, мы все, от солдата до генерала, почувствовали гордость сынов Советской России, гордость непобежденных людей!

«Ни шагу назад!» — означало теперь идти вперед. «За Волгой земли для нас нет!» — значит, надо двигаться на запад!

КРЕПОСТЬ на Волге выстояла, и по миру прокатилась весть: двадцать две дивизии Гитлера оказались в окружении, в огромном сталинградском котле.

Само собой разумеется, что воины 62-й армии встретили весть об окружении гитлеровских полчищ, рвавшихся к Волге, с огромной радостью и удовлетворением. Наши усилия не пропали даром. Скажу без преувеличения, каждый боец (а у нас в городе все были бойцами) еще до окружения верил, что от берегов Волги гитлеровские захватчики далеко не уйдут — они или погибнут здесь, или попадут в плен.

Успех нашей 62-й армии был во многом обусловлен тем, что она сражалась в тесном взаимодействии с войсками соседних армий и фронтов при неослабном к ней внимании со стороны Ставки Верховного командования и командования фронта. Не будет преувеличением, если скажу, что крепость на Волге обороняла вся страна, весь советский народ. Достаточно указать, что за время оборонительных боев в городе в 62-ю армию были направлены лучшие силы из резерва Ставки и

фронта — семь стрелковых дивизий, одна стрелковая и одна танковая бригады. Для содействия нашей армии привлекались основные силы авиации и фронтовая артиллерийская группа.

Нельзя не сказать с благодарностью о той помощи, которую оказали 62-й армии контрудары армий Донского фронта с рубежа Клетская — Ерзовка и упорная оборона войск 64-й армии в южной части города. Их действия отвлекали значительные вражеские силы и не позволяли немецкому командованию использовать всю ударную группировку против 62-й армии. Они как бы за уши держали Паулюса.

Как известно, фашистские захватчики всегда стремились окружить — «посадить в котел» стоявшие против них войска. И так как это им удавалось, гитлеровские генералы считали себя непревзойденными мастерами маневра на окружение. Но вот они сами попали в стальное кольцо советских войск. Случилось это с ними впервые за все время существования гитлеровского вермахта, и не где-нибудь на Западе, а на территории Советской России, которую они считали разбитой и почти покоренной.

Генеральный штаб и министерство пропаганды Германии искусственно сокращали поток писем с черными каемками, но шила в мешке не утаишь. Вскоре в Германию стали прибывать искалеченные солдаты и унтер-офицеры. Эти уже не могли молчать о том, что делается на волжском берегу. По просьбе товарищей, оставшихся на фронте, они писали и рассказывали о том, что ждет тех, кто по воле фюрера пошел на Восток, в частности к Волге.

Ждать долго не пришлось. Окружение трехсоттысячной армии Паулюса подавило моральный дух немецкого народа.

Первое время гитлеровские солдаты, находясь в окружении, сопротивлялись упорно. Вероятно, офицеры и генералы тщательно скрывали от них, что кольцо советских войск сомкнулось в Калаче. Но когда солдаты все же узнали о своем положении, их стали успокаивать тем, что на помощь им идет сильная группа танковых войск Манштейна. И так до конца декабря они жили надеждой и отчаянно оборонялись, часто до последнего патрона. Пленных почти не было, гитлеровцы и не думали сдаваться в плен.

Лишь после того как группа Манштейна была разбита и наши войска погнали захватчиков к Харькову, Луганску и Ростову-на-Дону, моральный дух находившихся в окружении войск стал заметно падать. Верить в прорыв и освобождение перестали не только солдаты и офицеры, но даже и генералы.

Вскоре наши воины стали брать в плен даже офицеров, что свидетельствовало о глубоком истощении моральных и физических сил армии Паулюса.

Передо мной дневник Вильгельма Гофмана. По записям видно, что Гофман служил в ротной, а затем в батальонной канцелярии 267-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии. Дневник начат в мае 1942 года. Вид у него внушительный, переплет добротный. Дневник хранится в моем личном архиве. Привожу выдержки из этого дневника с того момента, когда Гофман в первый раз написал слово «Сталинград».

«27 июля. После длительных переходов по донским степям мы наконец вышли к реке Дон и почти без боя захватили большое село Цимлянская. Жара, зной, и как все мы были рады — наши глаза увидели реку Дон. Как было приятно выкупаться в свежей донской воде и постирать пропотевшее белье.

Говорят, в этом селе изготавливают первосортные вина. Надо послать десяток бутылок домой, отцу — подарок от Вилли. Как он обрадуется.

Сегодня после купания командир роты сказал, что если в дальнейшем будем действовать так же успешно, то скоро выйдем на Волгу, займем Сталинград и тогда уже обязательно скоро закончим войну. Возможно, к рождеству будем дома.

29 июля. За два дня мы хорошо отдохнули. Соседний, 264-й полк сегодня утром переправился через реку. Слышно, там идет бой. Командир роты говорит, что русские войска совсем разбиты, держаться дальше не могут. Выйти на Волгу и взять Сталинград для наших армий не такое уж сложное дело. Фюрер знает, где слабое место у русских, победа близка.

2 августа. Заняли какую-то станцию, вышли к реке Сал. Река Сал — это не Дон, вода теплая, почти не освежает...

Какие большие просторы занимают Советы, какие богатые поля можно здесь иметь после окончания войны! Лишь бы скорее ее закончить. Верю, фюрер доведет дело до конца.

7 августа. С легкими боями вышли к реке Аксай — мутная, почти непроточная, местами пересохла. Одна радость — близко Волга и Сталинград, а там — конец войны. Все солдаты нашей роты рвутся вперед. Сегодня послал письмо Эльзе: «Скоро увидимся, все чувствуем близкий конец — победу».

10 августа. Наш полк наступает на Абганерово. Зачитали приказ фюрера. Он ждет от нас победы. Мы все уверены, нас не остановить.

12 августа. Мы наступаем вдоль железной дороги на Сталинград. Вчера русские «катюши», а затем танки

остановили наш полк. «Русские бросили в бой последние силы», — объяснил мне капитан Бернер. К нам идет большая помощь, русские будут разбиты.

17 августа. Сегодня утром отличившимся солдатам выдали награды за бои под Кантемировкой. Неужели я вернусь к Эльзе без награды? Верю, за Сталинград фюрер наградит и меня.

23 августа. Получена радостная весть: севернее Сталинграда наши войска вышли к Волге и захватили часть города. У русских два выхода — или бежать за Волгу, или сдаваться в плен. Переводчик нашего полка допрашивал пленного офицера. Он был ранен, но заявил: за Сталинград русские будут сражаться до последнего солдата. На самом деле, творится непонятное. С севера наши войска захватывают часть Сталинграда и выходят к Волге, а на юге обреченные дивизии продолжают упорно обороняться. Фанатизм...

27 августа. Со всех сторон сплошная канонада. Мы медленно, но продвигаемся вперед. До Сталинграда осталось километров тридцать. Днем мы видим дым пожаров, а ночью большое зарево. Говорят, город горит, наша авиация по приказу фюрера сожгла его.

Нас перебрасывают куда-то на другой участок...

1 сентября. Русские отходят к Волге. Неужели они будут сражаться на самом берегу Волги? Это безумие! Сегодня ночью русская авиация не давала покоя, все время висела над нами и бомбила. Наши зенитки вели сильный огонь.

5 сентября. Наш полк получил задачу наступать на станцию Садовая — это уже почти Сталинград. Неужели русские думают удержаться в самом городе? Всю ночь нам не давала покоя авиация и артиллерия. Мимо нас провозят много раненых. Да храни меня бог...

8 сентября. Два дня были в непрерывных боях. Русские сопротивляются с бешеным упорством. Наш полк потерял много солдат от «катюш», которые изрыгают страшный огонь. Меня отозвали работать в штаб батальона. Это молитва матери увела меня подальше от ротной траншеи...

11 сентября. Наш батальон ведет бой в пригороде Сталинграда. Уже видна Волга, идет непрерывная пальба. Куда ни посмотришь — огонь и пожары... Русские пушки и пулеметы стреляют из горящего города. Фаталисты, фанатики...

13 сентября. Нехорошее число, нашему батальону очень не повезло. Утром от удара «катюш» роты понесли потери: 27 убитых и 50 раненых. Русские дерутся с отчаянием диких зверей, в плен не идут, а подпускают близко и потом забрасывают гранатами. Вчера был убит обер-лейтенант Краус, рота осталась без командира.

16 сентября. Наш батальон с танками наступает на элеватор, из которого валит дым — там горит хлеб, его, кажется, подожгли сами русские; варварство! Батальон несет большие потери. В ротах осталось не более 60 человек. В элеваторе засели не люди, а черти, которых не берут ни огонь, ни пули.

18 сентября. Бой идет в элеваторе. Там русские смертники; командир роты говорит: «Этим смертникам комиссары приказали умереть в элеваторе».

Если все дома Сталинграда будут так обороняться, то из наших солдат никто не вернется в Германию. Сегодня получил письмо от Эльзы, она ждет меня домой с победой.

20 сентября. Бой за элеватор продолжается. Русские ведут огонь со всех сторон. Сидим в подвале дома, на улице находиться нельзя. Фельдфебель Нушке сегодня

был убит, когда перебежал улицу. Бедняга, у него трое детей.

26 сентября. Наш полк ведет непрерывные тяжелые бои. После взятия элеватора русские сопротивляются с таким же упорством. Их совсем не видно, они засели в домах и подвалах и бьют со всех сторон, в том числе и с тыла, — варвары, пользуются бандитскими приемами. Наши люди гибнут не только на передовой линии, но и в тыловых, уже занятых кварталах. Сталинград — это ад! Счастливы те, которые получают только ранения, они безусловно будут дома и вместе с родными отпразднуют победу. (Он еще верит в победу! — В. Ч.)

28 сентября. Сегодня наш полк и вся дивизия празднуют победу. Мы с танкистами захватили южную часть города и вышли на Волгу. Победа досталась очень дорого. За три недели мы захватили территорию около 15 квадратных километров. Командующий поздравил нас с победой...

2 октября. Наш полк получил пополнение, численность в нашем батальоне доведена до 80—90 человек. Получен приказ: ночью нас перебрасывают куда-то на север. Наш батальон выступает первым.

Вчера послал письмо Эльзе, сообщить ей что-нибудь хорошее, радостное не мог, а врать не стал. В Сталинграде жизнь каждого может оборваться в любую секунду.

4 октября. Наш полк наступает на поселок Баррикады. У русских появилось много автоматов. Откуда они их берут?

10 октября. Русские так близко от нас, что наша авиация не может их бомбить. Мы готовимся к решительному штурму. Фюрер приказал поскорее захватить весь Сталинград.

14 октября. С утра началось небывалое: наши авиация и артиллерия несколько часов подряд громят позиции русских, все, что видит глаз, сметается с лица земли...

17 октября. Четыре дня идут непрерывные бои. По напряжению они ни с чем не сравнимы. За это время наш полк продвинулся не более чем на километр. От огня русских несем очень большие потери. Все солдаты и офицеры стали злыми и молчат.

22 октября. Мы потеряли много людей, на каждом шагу приходится прыгать через трупы. Днем трудно дышать: трупы убирать некогда и некому, они разлагаются. Кто мог подумать три месяца назад, что вместо радости победы мы будем нести такие жертвы и мучения, конца которым не видно?

...Солдаты называют Сталинград братской могилой вермахта. Людей в ротах осталось мало. Говорят, нас скоро выведут на пополнение.

27 октября. Наши войска захватили весь завод «Баррикады», но к Волге подойти мы не можем. Русские — это не люди, а какие-то чугунные существа, они не знают усталости и не боятся огня. Мы истощены до предела, от нашего полка едва ли осталась полная рота. Артиллерия русских из-за Волги не позволяет поднять голову...

28 октября. Каждый солдат считает себя смертником. Единственная надежда — получить ранение и уехать в тыл.

Только что получили новость: наш полк отводят в тыл на пополнение. Это уже третий раз за эту осень.

3 ноября. За эти дни наш батальон несколько раз атаковал русские позиции у поселка Спартановка, но

безрезультатно. Русские на этом участке не дают поднять голову. Среди солдат появились самострелы и разные симулянты. Каждый день пишут о них по два-три донесения.

10 ноября. Сегодня получил письмо от Эльзы. Все ждут нас к рождеству домой. В Германии все убеждены, что Сталинград полностью наш. Как они глубоко ошибаются! Если бы они видели, что сделал с нашей армией Сталинград!

18 ноября. Наши вчерашние атаки вместе с танкистами успеха не имели. После нашего наступления поле было усеяно трупами солдат.

21 ноября. Русские перешли в наступление по всему фронту. Идут ожесточенные бои. Вот она, Волга, вот она, победа, и скорое свидание с родными. Очевидно, увидимся на том свете.

29 ноября. Мы попали в окружение. Сегодня утром объявили, что фюрер заявил: «Армия может поверить мне, что я сделаю все от меня зависящее для ее снабжения и своевременного деблокирования».

3 декабря. Мы сидим на голодном рационе и ждем освобождения, которое обещал фюрер.

Письма родным посылаю, но ответа нет.

7 декабря. Рацион настолько сократился, что солдаты страшно голодают, дают одну буханку черствого хлеба на пять человек.

14 декабря. Всех терзает голод. Мороженая картошка — лучшее блюдо, но достать ее из мерзлой земли под пулями русских не так-то легко.

18 декабря. Офицеры сообщили солдатам: быть готовым к действиям. Генерал Манштейн с крупными силами подходит с юга к Сталинграду. Это известие вселило надежду в сердца солдат. Дай-то бог!

21 декабря. Ждем приказа, но его почему-то долго нет. Неужели с Манштейном обман? Это же хуже любой пытки.

25 декабря. Радио русских передало о разгроме Манштейна. Нас ожидает или смерть, или плен.

28 декабря. Лошадей уже всех съели. Я готов съесть кошку, говорят, у нее мясо очень вкусное. Солдаты стали похожи на мертвецов или на обезумевших людей, ищущих, что бы сунуть в рот. Они уже не прячутся от снарядов русских, нет сил ходить, сгибаться и прятаться. Будь проклята, эта война!»...

На этом дневник обрывается, по-видимому вместе с жизнью его автора.

В первых числах января к нам на командный пункт армии прибыли командующий Донским фронтом генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский, член Военного совета фронта генерал-майор Константин Федорович Телегин и командующий артиллерией фронта генерал-майор Василий Иванович Казаков. Они переправились через Волгу по льду.

Войдя в землянку и присев на земляной стул за земляным столом, командующий фронтом кратко изложил план уничтожения окруженной группировки противника и поставил армии задачу. Основное в этом плане было то, что главный удар с целью раскола на части окруженной группировки наносится с запада армиями генералов Батова и Чистякова. Одновременно переходят в наступление с севера армии генерала Жадова и Галанина, с юга — Шумилова и Толбухина. На 62-ю армию возлагалась задача «активными действиями с востока привлекать на себя больше сил противника и не допустить его к Волге, если он попытается через замерзшую Волгу прорваться из окружения».

Задача была ясна, и я заверил командующего фронтом, что она будет выполнена, что до начала основного наступления главных сил фронта Паулюс не оттянет из города ни одной дивизии.

Потом офицеры штаба фронта несколько раз спрашивали:

— Удержит ли 62-я армия противника, если он под ударами наступающих армий с запада всеми силами бросится на восток?

Николай Иванович Крылов ответил на это так:

— Если Паулюс летом и осенью с полными силами не мог сбросить нас в Волгу, то голодные и полузамёрзшие гитлеровцы не пройдут на восток и десяти шагов.

Подобный же вопрос задал мне начальник штаба фронта генерал Малинин. Я ему ответил, что гитлеровцы 1943 года уже не те, что были в 1942 году. Они сейчас сидят в городе, как привязанные зайцы, и ждут, когда мы расправимся с ними. В заключение я заметил, что армия Паулюса уже не армия, а лагерь вооруженных пленных.

10 января 1943 года все армии Донского фронта одновременно перешли в наступление, рассекая окруженную группировку гитлеровцев. 62-я армия также двинулась с востока на запад, навстречу наступающим армиям. Особенно сильные бои развернулись в районе Мамаева кургана. Это говорило о том, насколько правильно противник оценивал тактическое значение Мамаева кургана.

25 января мы почувствовали приближение своих войск с запада, и 62-я армия, выйдя на западные окраины поселков, прекратила наступление. Дивизии Горишного, Соколова, Людникова, Гурьева и Родимцева повер-

нули на север, на уничтожение северной группы фашистских войск в районах заводов и заводских поселков. Дивизия Батюка была повернута на юг против южной группировки противника. Наступило 26 января — день долгожданного соединения войск 62-й армии с частями армий Батова и Чистякова, наступавшими с запада.

Вот как происходила эта встреча.

На рассвете с наблюдательного пункта сообщили: гитлеровцы в панике, мечутся, слышен грохот машин, показались люди в красноармейской форме... Видны тяжелые танки, они спускаются с высоты. На броне надписи: «Челябинский колхозник», «Уральский металлист».

Гвардейцы дивизии Родимцева с красным флагом побежали вперед.

Эта радостная, волнующая встреча состоялась в 9 часов 20 минут утра в районе поселка Красный Октябрь. Капитан А. Ф. Гуцин вручил представителям частей армии Батова знамя, на алом полотнище которого было написано: «В знак встречи 26. I 1943 года».

У суровых, выдавших виды воинов сверкали на глазах слезы радости.

Гвардии капитан П. Усенко доложил подошедшему генералу Родимцеву, что знамя от его прославленных гвардейцев принято.

— Передайте своему командиру, — сказал генерал Родимцев, — что у нас сегодня счастливый день: после пяти месяцев тяжелой и упорной борьбы мы встретились!

31 января воины 64-й армии взяли в плен командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Паулюса и весь его штаб. В этот день южная группировка немецко-фашистских войск полностью прекратила сопротивление. Бои в центральной части города закончились.

К вечеру этого же дня воины 62-й армии захватили штаб 295-й пехотной дивизии.

После ликвидации южной группы немецко-фашистских войск северная группа продолжала еще сопротивляться, хотя было ясно, что полная ликвидация ее является делом нескольких часов.

Утром 2 февраля 1943 года мы с Гуровым прибыли на наблюдательный пункт к генералу Ивану Ильичу Людникову, который находился в развалинах заводской конторы завода «Красный Октябрь». Тут же недалеко были наблюдательные пункты командиров дивизий Соколова и Горишного. Последний удар 62-я армия наносила на заводы Тракторный и «Баррикады» и их поселки. В наступлении участвовали дивизии Горишного, Соколова, Батюка, Людникова, Гурьева, Родимцева и бригада Штриголя. Одновременно на северную группировку противника наступали с запада и северо-запада части соседних армий. Наступление началось в 12 часов дня.

Артиллерийская подготовка была короткой: стреляли только прямой наводкой и по видимым целям. Мы отчетливо видели, как метались фашисты среди развалин. Тут же началась атака наших стрелковых частей и танков.

Оставшиеся в живых гитлеровцы последнюю атаку не приняли. Они подняли руки вверх. На штыках у них были белые тряпки.

Мимо нас вели сотни пленных. Они шли к Волге и за Волгу, к которой пробивались около шести месяцев. Среди пленных находились итальянцы, венгры, румыны. Все солдаты и сержанты были сильно истощены, в их одежде кишели насекомые. Особенно скверно выглядели румынские солдаты, они были одеты так плохо, что на

них страшно было смотреть: несмотря на тридцатиградусный мороз, некоторые солдаты были босые. Зато немецкие офицеры, как говорят кавалеристы, были в полном теле, и у каждого карманы были набиты колбасой и другой снедью.

На последнем наблюдательном пункте армии, в разрушенной заводской конторе «Красного Октября», собрался Военный совет, командиры дивизий и некоторых полков. Они радостно поздравляли друг друга с победой, вспоминали тех, кто не дожил до этого дня, но у многих на лицах был вопрос: что же дальше? Ведь линия фронта 2 февраля была далеко, за сотни километров от Волги. Добившись победы здесь, мы сразу очутились в глубоком тылу.

Солнечным утром 4 февраля на площади Павших борцов был назначен митинг. Бойцы и жители шли по заснеженным, изрытым бомбами и снарядами улицам города-героя. Как сейчас вижу обгоревшие вагоны на железнодорожных путях, изрешеченные пулями и осколками снарядов и мин трамваи, руины многоэтажных домов, улицы, запруженные разбитой военной техникой врага. В центре города — сбитый немецкий бомбардировщик, обгоревшие стены центрального универмага, разрушенные здания почтамта и Дома книги.

На площади Павших борцов — свежие воронки от снарядов и мин. Здесь три дня назад шел бой с остатками фашистских войск. Теперь сюда собрались партийные и советские руководители города и области, бойцы, командиры и политработники, жители — участники героических боев. На митинг прибыли Н. С. Хрущев, А. С. Чуянов, И. А. Пиксин, Д. М. Пигалев, генералы 62-й и 64-й армий.

Митинг открыл председатель городского Совета товарищ Пигалев, который от имени трудящихся города горячо поблагодарил героических участников Сталинградской битвы.

— Дни самых тяжелых боев и испытаний,— сказал он,— остались позади. Во веки слава героям Сталинграда, чьей кровью завоевана победа! Слава нашей Коммунистической партии!

Затем слово было предоставлено мне. Сознаюсь, мне трудно было говорить. Увидев выстроившиеся колонны воинов, с которыми я пережил сто восемьдесят огненных дней и ночей, я заволновался. Свою речь я начал такими словами:

— Мы поклялись стоять насмерть, но Сталинграда врагу не сдавать, и мы выстояли, сдержали слово, данное Родине...

О чем я говорил дальше, не помню. Помню только, что меня не покидала мысль сказать собравшимся на митинг о том, что Сталинград для гитлеровцев — это еще только цветочки, ягодки — окончательная расплата с фашистскими захватчиками — впереди.

С пламенными словами обратился к митингу гвардии генерал-майор А. И. Родимцев.

Затем на трибуну поднялся генерал Шумилов. Войска его армии дрались с немцами на южных подступах к городу и не пустили врага к Волге.

— 2 февраля,— сказал Шумилов,— мы услышали последний выстрел в Сталинграде. С капитуляцией северной группировки врага завершилась невиданная в истории операция, осуществленная по плану Верховного главнокомандования. Наши бойцы остановили врага, не пустили его к Волге, и Сталинград стал могилой для фашистских захватчиков.

...Митинг закончился громовым «ура» в честь родной партии и советского народа. Защитники Сталинграда расходились по своим местам, они сразу оказались в глубоком тылу, так как за время разгрома окруженной группировки фронт наступления наших войск продвинулся от Волги на запад на сотни километров. Бойцы-сталинградцы знали, что длительного отдыха им не дадут, и все готовились к новым боям. Все понимали, что передышки врагу давать нельзя. Все были уверены, что черные дни миновали, взошло солнце победы, как всегда, с востока, а на западе еще висели мрачные, коричневые тучи. Родина-мать звала сталинградских бойцов снова в бой. Сталинградские лозунги «Ни шагу назад!» и «За Волгой для нас земли нет!» сменились другими: «Вперед на запад!» и «Даешь Берлин!»...

Около месяца мы стояли в селах, расположенных вдоль Ахтубы. За это время дивизии 62-й и других армий основательно отдохнули, пополнили свои ряды, получили новое оружие и готовились к погрузке в эшелоны, чтобы следовать на запад — догонять далеко ушедший фронт.

Родина щедро наградила части и дивизии, оборонявшие Сталинград. Почти всем дивизиям и полкам было присвоено звание гвардейских. 62-я армия была переименована в 8-ю гвардейскую армию. На груди у солдат и офицеров появился значок «Гвардия».

Началась погрузка в эшелоны и отправка на запад, на фронт. 62-я армия перемещалась в район Купянска, на Северный Донец. Штаб армии грузился на станции Воропоново. Днем я объехал все станции погрузки дивизий, входивших в состав армии, и перед вечером приехал в Воропоново.

Раздался гудок паровоза, толчок и ритмичный стук колес вагона. Каждый из нас мысленно произносил:

— Прощай, Волга, прощай истерзанный и измученный город. Увидим ли мы тебя еще когда-нибудь и каким? Прощайте, боевые друзья, остающиеся в земле, пропитанной кровью народной. Мы уезжаем на запад, наш долг — отомстить за вас...

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
КЛЯТВА	5
МАМАЕВ КУРГАН	14
НИ ШАГУ НАЗАД!	23
ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ	41
СРЕДИ МОРЯ ОГНЯ	69
САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ	97
ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ АРМИИ ПАУЛЮСА	122
РАЗГРОМ	142

Чуйков Василий Иванович.

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ. (О героизме советских воинов в битве на Волге).
М., Политиздат, 1965.

159 с. с илл.

9(C)27

Редактор *Л. Горюнов*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Сдано в набор 12 октября 1964 г. Подписано в печать 1 декабря 1964 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5 + ¹/₈ (накладка). Условн. печ. л. 7,02. Учетно-изд. л. 6,30. Тираж 140 тыс. экз. А 11504. Заказ № 2587.
Цена 15 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1965 г., № 254.
Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»
Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

